2а
25442

ШКОЛА И ДѢТИ

Ѳ. ЗЕНОВЪ.

ВО ДНИ ВОЙНЫ.

Изданіе Училищнаго Совѣта
при Святѣйшемъ Сунодѣ.

«УНІОНЪ» ПТГ.

2а
25442

Ѳ. Зеновъ.

ВО ДНИ ВОЙНЫ.

ШКОЛА и ДѢТИ.

Книжка 2-я.

Изданіе
Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.

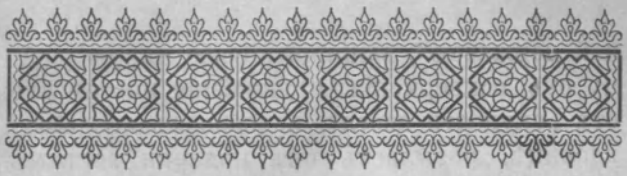
6742

Цѣна 15 коп.

Библиотека Академии Наук СССР

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Ярославская, 1—9.



Во дни войны.

(Изъ наблюденій надъ жизнью дѣтей въ военное время).

Русскій народъ ожилъ въ настоящее время. Въ немъ нѣтъ губительнаго пьянства, пропали куда-то безобразія и хулиганскія выходки молодежи, отъ которыхъ такъ сильно страдало деревенское населеніе.

На мѣсто всего этого гнилого, растлѣвающаго, пришла жизнь трезвая, поднимающая культурное и экономическое благосостояніе деревни и всего государства.

Крестьянинъ — сынъ Россіи, воспрянувъ духомъ въ новой трезвой жизни, кладетъ въ эту великую годину испытанія на алтарь своего отечества все, что только можетъ: съ радостью послалъ онъ многочисленныхъ своихъ дѣтей и братьевъ на „битву кровавую съ силь-

ной державою“, защищать свою милую родину отъ оскверненія и униженія иноземнаго; отъ „скудости своея“, подобно евангельской вдовицѣ, посылаетъ онъ подарки воинамъ, чтобы облегчить имъ тяготу войны.

Но не одно взрослое населеніе деревни воодушевлено переживаемыми событіями: война сильно отразилась и на жизни крестьянскихъ дѣтей.

I.

Еще въ самомъ началѣ войны дѣти, при встрѣчахъ со мною, обращались ко мнѣ, со свойственною только взрослымъ серьезностью, съ вопросами о военныхъ успѣхахъ нашей доблестной арміи. Они, какъ и взрослые, не могли иначе думать, какъ только о побѣдѣ русскаго оружія.

— Гдѣ же нѣмчурѣ справиться съ русскими солдатами?—говорили дѣти и взрослые.— Противъ русскаго штыка не устоять никакому врагу.

— Да и Богъ не оставитъ православныхъ, — замѣчали другіе. — Эвона, во всѣхъ церквахъ теперь каждый праздникъ со слезами просятъ у Господа помощи. А у нѣмцевъ развѣ есть Богъ?

И когда я сказалъ двумъ мальчикамъ, говорившимъ мнѣ эти слова, что и нѣмцы вѣруютъ въ такого же Бога, какъ и мы русскіе, и что они иризнаютъ Христа за Сына Божія, мальчики, какъ и взрослые крестьяне, мнѣ не повѣрили.

— Да если бы у нихъ былъ Богъ, такъ развѣ посмѣли бы они разорять церкви, мучить женщинъ, стариковъ и дѣтей. Нѣтъ, вѣрно у нихъ Богъ не такой. Небось, русскій человѣкъ этого не будетъ дѣлать,—замѣчали они на мои слова.

— Какъ бы вѣровали они (нѣмцы) въ такого Бога, какъ мы,—говорили мнѣ въ крестьянской бесѣдѣ, на которой присутствовали и дѣти,—небось, не затѣяли бы этой войны. Вѣдь нашъ-то русскій Государь, какъ нѣмецкій-то объявилъ ему войну и напалъ на насъ, наказалъ ему: ну, ладно, кайзеръ, я тебѣ прощаю это, одумайся, не воюй, а онъ-то, кайзеръ, не послушался: я, говоритъ, никого не боюсь, потому нашъ Богъ сильнѣе вашего. А богъ-то у него вотъ что, — показалъ на кулакъ, говорившій мнѣ эти слова крестьянинъ. — Вотъ они въ какого бога вѣруютъ.

Вмѣстѣ съ взрослыми, дѣти возносятъ свои

горячія молитвы Господу объ избавленіи отъ враговъ.

Умилительную и глубокую по содержанію картину пришлось мнѣ наблюдать въ одной крестьянской семьѣ, одинъ изъ членовъ которой, семейный человѣкъ, призванъ въ ряды дѣйствующей арміи.

Во время разговора взрослыхъ о войнѣ и, въ частности, объ ушедшемъ членѣ этой семьи его дочь, четырехлѣтняя дѣвочка Поля встала предъ образами на колѣни и со слезами начала молиться своимъ еще неразвитымъ дѣтскимъ языкомъ: Боженька, спаси нашего папочку... помилуй... Боженька, папочка у насъ хорошій... спаси, Боженька, папочку.

Присутствующіе сразу оставили свои разговоры и устремили глаза на юную богомолицу... У многихъ женщинъ появились слезы.

— Ишь ты вѣдь, дѣтское-то сердце чуетъ, хотя умомъ, можетъ, и не понимаетъ, что Божія помощь нужна отцу, — сказалъ одинъ крестьянинъ.

— И вотъ каждый день, — сказала мать Поли, когда она улыбающаяся, со слезинками на глазахъ, подошла къ ней,—нѣсколько разъ встанетъ на колѣни и молится... И мнѣ

все думается, что неужели Господь милосердый не услышитъ молитвы ребенка и не сохранитъ его?—уже сквозь слезы закончила она.

— Еще бы да не помогла дѣтская молитва,—сказала на это одна женщина. — Коли ужъ наши грѣшныя молитвы Господь иногда принимаетъ и подаетъ, чего мы просимъ, то подавно святую молитву безгрѣшнаго младенца услышитъ.

— У насъ такъ вонъ трое утромъ-то встанутъ на колѣни и тоже молятся, молятся объ отцѣ-то Богу, — сказала сидѣвшая тутъ же молодуха, жена воина.—А иногда забалуются что-ли, или что другое, Господь знаетъ, и съ ремнемъ-то еле заставимъ помолиться.

— Да, молиться Богу надо дѣтей принуждать,—сказалъ почтенный старикъ—крестьянинъ, хозяинъ дома.—Стариками еще сказано, да и въ словѣ Божьемъ указанье найдемъ, что дѣтская молитва „дохоже“ до Бога, чѣмъ насъ взрослыхъ. Пусть дѣти съ малыхъ лѣтъ пріучаются знать, что Богъ—наше прибѣжище и сила.

И дѣти усердно молятся Господу.

Молятся не только дома, но и въ храмѣ Божьемъ, гдѣ ихъ въ большемъ, чѣмъ до войны, количествѣ можно видѣть теперь.

Мнѣ не разъ приходилось видѣть въ церкви слезы колѣнопреклоненныхъ дѣтей за молебномъ, послѣ обѣдни, о ниспосланіи русскому оружію побѣды.

И эти чистыя моленія дѣтей подавали надежду, что Господь услышитъ наши молитвы. Невольно приходили въ голову слова прекраснаго стихотворенія:

Молись, дитя! Тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И помогать тебѣ готовъ.

II.

Въ школу ко мнѣ поступило учиться нѣсколько дѣтей запасныхъ, ушедшихъ на войну.

Отношеніе къ этимъ дѣтямъ у учениковъ было чрезвычайно сердечное. Имъ не только оказывали помощь, если когда кто изъ нихъ нуждался въ классѣ, бумагой, перышкомъ, карандашикомъ и проч., но и старались всячески окружить ихъ лаской и привѣтливостью.

Выдавалъ я дѣтямъ учебныя пособія. Машѣ, отецъ которой находится на войнѣ, попалась трепаная книга.

— Ѳ. Т.!—закричало нѣсколько голосовъ,— дайте Машѣ новую книгу: у ней отецъ на войнѣ.

Такъ какъ въ школьномъ шкапѣ не оказалось ни новыхъ, ни старыхъ книгъ, то дѣти, которыми были получены новыя книги, наперерывъ предлагали Машѣ обмѣняться книгами. Она даже не знала, съ кѣмъ ей помѣняться, чтобы никого не обидѣть своимъ предпочтеніемъ.

Васѣ, сыну запаснаго, призваннаго въ ряды дѣйствующей арміи, попался тонкій грифель. И опять дѣтскіе голоса попросили меня обмѣнять этотъ грифель на толстый.

Разъ въ школу пришелъ Сеня, братъ Маши, съ просьбой дать ему азбуку. Онъ хочетъ учиться, а въ школу нынче пріема новичковъ нѣтъ, такъ рѣшилъ дома, съ помощью Маши, выучиться грамотѣ.

— Дайте, Ѳ. Т., ему азбуку хорошенькую. Онъ бѣдный: у него отца взяли на войну, — раздались со всѣхъ сторонъ дѣтскіе голоса.

Пришлось Сенѣ отдать послѣднюю, оставшуюся свободной азбуку.

При разрѣшеніи вопроса объ устройствѣ въ школѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, чаепитія во время обѣда, дѣти сказали Машѣ и Васѣ:

— Вы не несите денегъ на чай: мы за васъ сами заплатимъ.

Милыя дѣти! Я ими нынче совсѣмъ очарованъ.

И интересно, что дѣти, какъ мнѣ казалось, съ черствымъ сердцемъ, любители помучить воронъ и воробьевъ, оказались богатыми такою теплою сердечностью и добротою.

III.

Однажды разговорились въ школѣ мы съ дѣтьми о войнѣ.

Дѣти разсказали между прочимъ, какъ кто изъ нихъ переживалъ первые дни мобилизаціи и объявленія войны.

Съ большимъ интересомъ выслушали всѣ разсказъ Маши, отецъ которой былъ взятъ „въ первую голову“.

— Утромъ пришелъ къ намъ сельскій,— разсказывала Маша,—и говоритъ: ну, братъ Василіи, собирайся на войну. Мать заголосила, какъ же мы теперь останемся: еще ничего не жато въ яровомъ было и не кошено. Отецъ сталъ уговаривать мать, что видно Богу такъ угодно, чтобы онъ пошелъ на войну, а тебѣ, говоритъ, міръ поможетъ въ работѣ. А мать не унимается, плачетъ. Заплакала и я и другія ребятишки. А Сенечка-то нашъ, ко-

торыи давеча приходилъ за азбукой, говоритъ: а знаешь что, татка? я съ тобой на войну пойду. Сѣлъ рядомъ съ таткой и не отпускаетъ его никуда отъ себя: куда татка, туда и Сенечка. Мы то и посмѣемся на него, и поплачемъ. А татка говоритъ: ну, теперь не плачьте: съ такимъ защитникомъ никто меня не обидитъ. Вотъ пришло время снаряжаться таткѣ. Татка снаряжается, снаряжается и Сенечка. Какъ уйти, татка присѣлъ въ „большой уголъ“, и Сенечка рядомъ съ нимъ сѣлъ. Татка крестится, и Сенечка крестится. Тутъ мама видитъ, что дѣло плохо: Сенечку теперь семерымъ отъ татки не оттащить,—взяла да и обманула его. Ты бы, родной,—говоритъ она ему,—сходилъ въ поле за лошадкой. Такъ на лошади съ таткой на войну и поѣхали бы. Татка тоже сталъ просить Сенечку за лошадью сходить. Сенечка-то и послушался ихъ. Взялъ узду, хлѣба и пошелъ. Татка перекрестилъ его съ заду и заплакалъ. На что крѣпкіи у насъ татка, а тутъ заплакалъ. Ушелъ Сенечка за лошадью, а мы татку пошли провожать до станціи. Пришли домой уже вечеромъ, а Сенечка-то сидитъ подъ окномъ да заливается, а лошадь привязана у двора. Какъ заголосила мама опять: ми-

лое ты мое дитятко, дорогой мой сыночекъ, помни татку и молись за него Богу, чтобы Господь спасъ его...

— А теперь гдѣ твой отецъ? — спросилъ Машу Митя.

— А писалъ, что въ австрiиской землѣ. Ужъ не разъ былъ въ бою.

— И не раненъ? — спрашиваютъ заразъ нѣсколько удивленныхъ голосовъ. — И не страшно?

— Не-е, еще не писалъ объ этомъ. Пишетъ, что первое время и страшно было, а теперь хоть бы что.

Другая дѣвочка, Поля тоже разсказала, какъ ея отецъ уходилъ на войну.

— Батенька былъ въ городѣ съ яблоками. А въ этотъ день собралъ волостной всѣхъ запасныхъ и сказалъ имъ, что ихъ на войну требуютъ. Завтра въ городъ ѣхать. Вотъ всѣ бабы стали плакать. А мама наша больше всѣхъ, что ребятишекъ у насъ много, а батенька одинъ работникъ. Начали и мы ребятишки плакать. Прiѣхалъ батенька съ города, а мама и въ избу не дала ему войти и начала голосить, что бѣдная я, несчастная съ малыми ребятишками остаюсь сиротиночкой. А батенька и говоритъ: „ну, перестань, Татьяна, плакать: авось, Богъ не выдастъ“.

И вотъ всѣ мы плакали, а батенька насъ утѣшалъ. Всю ночь не спали. На другой день батенька благословилъ насъ иконой и велѣлъ маму слушать и беречь, а за него Богу молиться. Потомъ всѣхъ запасныхъ провожали всей деревней на станцію. Всѣ плакали, а батенька и другіе запасные не плакали. Я говорю мамѣ: „а отчего они не плачутъ?“—„У нихъ кошки на сердцѣ скребутъ, да сердце-то у нихъ крѣпкое, такъ и слезъ нѣтъ“,— сказала мама. Мы скучали и плакали по батенькѣ долго. Думали, что онъ убитъ. А онъ письмо недавно прислалъ, что ему пока хорошо и что онъ въ окопахъ три дня сидѣлъ. И мы не стали горазъ скучать.

Митя разсказалъ, что онъ у своего отца просился на войну, а отецъ ему говоритъ: „Глупый ты этакш! Да развѣ маленькихъ на войну берутъ?.. Куда ты гожъ?.. Изъ-подъ пушекъ гонять лягушекъ, такъ ты и тѣхъ боишься“. И отчего это у насъ,—съ удивленіемъ задаетъ Митя мнѣ вопросъ,—не берутъ маленькихъ? Вотъ въ газетѣ я читалъ, что у нѣмцевъ и маленькіе воюютъ.

— А оттого,—отвѣчаетъ ему за меня Гриша, — что у насъ въ Россіи и настоящаго войска довольно.

Многіе изъ мальчиковъ выражаютъ готов-

ность хоть сейчасъ итти воевать съ нѣмцемъ.

— Охъ, вы горе-вояки!—замѣчаетъ Вася.—Вотъ приди нѣмцы въ нашу деревню, такъ живо запрячетесь на печку и не выглянете.

— Ничего,—отвѣчаютъ „вояки“,—не выдадимъ нашихъ.

У дѣвочекъ свои думы о войнѣ. Имъ страшно, что воюютъ.

— Какъ маневры-то у насъ были, такъ и то страшно смотрѣть, а не то что тамъ.

— Вотъ бѣдные-то наши раненые... Можетъ, не пивши, не ѣвши по цѣлымъ днямъ лежатъ на землѣ,—говорятъ нѣкоторыя изъ дѣвочекъ.

— Я бы жила близко къ войнѣ, такъ все бы носила раненымъ пить да ѣсть,—говоритъ жалостливо одна совсѣмъ маленькая дѣвочка.

— А что, Ѳ. Т., — спрашиваетъ меня эта же дѣвочка,—маленькихъ, такихъ какъ насъ, берутъ сестрами милосердія?

Я отвѣчаю отрицательно.

— А ты ужъ не хочешь-ли итти въ сестры?—спрашиваютъ ее нѣкоторые мальчики.

— Нѣтъ, я такъ, — покраснѣвъ отвѣтила имъ она.—Наша Наташа записалась сестрой, такъ я думала, и маленькихъ берутъ.

— Кабы брали маленькихъ, такъ я бы

давно ушла,—говоритъ другая дѣвочка,—да, вишь, мнѣ и батенька сказалъ, что не берутъ.

Нѣкоторые изъ мальчиковъ разсказали вычитанныя ими свѣдѣнія изъ газетъ, какъ и сколько жертвуютъ жители столицы на воиновъ.

— Читалъ я, — разсказываетъ Вася, — что одна маленькая дѣвочка принесла рубашку, кисетъ и табаку, и письмо еще написала солдатику интересное.

— Такъ развѣ одна дѣвочка это сдѣлала? Каждый день много маленькихъ дѣтей, пишетъ наша газета, приносятъ подарковъ разныхъ на войну. А то маленькіе гимназисты такъ съ кружками ходили по городу и собирали жертвы на войну,—говоритъ Митя.

Разсказъ Мити выслушивается всѣми учениками съ захватывающимъ интересомъ.

— А вотъ бы и намъ собрать да и послать на войну чего-нибудь,—предлагаютъ нѣкоторыя изъ дѣвочекъ.

Мысль эта нравится всѣмъ дѣтямъ.

— Только что же намъ послать? — спрашиваютъ они меня.—И какъ послать?

Я имъ сказалъ, что хорошо было бы послать въ армію бѣлья, табаку и проч. Объяснилъ, какъ можно отослать солдатикамъ подарки.

— Ну, такъ давайте, пошлемъ, — говорятъ.

— Я у папы попрошу четыре копѣйки, куплю табаку, сошью кисетъ,—говоритъ Дуня, ученица второго отдѣленія.

— И я... и я... — раздаются со всѣхъ сторонъ возгласы.

Я предлагаю дѣтямъ собрать всѣмъ деньгами, кто сколько можетъ, а потомъ уже и пріобрѣсти въ лавкѣ кой-чего въ подарокъ солдатикамъ.

— Вотъ это лучше, — соглашаются мальчики.—А то что же мы всѣ табаку, да табаку... Надо чего-нибудь и другого.

На другой день начался сборъ.

Дѣти приносили кто двѣ, кто три копѣйки, а нѣкоторыя и по гривеннику. Но многія изъ нихъ не ограничивались деньгами, и приносили еще сшитые самими кисеты, махорки—отъ тятьки, полотенце—отъ матери, платки носовые — отъ нянекъ (сестеръ). А нашъ „мальчикъ съ пальчикъ“ Сенюшка принесъ отъ себя пять копѣекъ, да три копѣйки отъ бабушки-приживалки.

Егорушка, девятилѣтній ученикъ второго отдѣленія, съ Иванова дня (24 іюня) копилъ

себѣ деньги, а сегодня и съ кошелькомъ принесъ мнѣ ихъ.

— Накося,—говоритъ, — солдатикамъ. Купилъ четверку табаку за восемь копѣекъ, а то вотъ остальныя деньгами.

Высыпалъ я изъ кошелька на столъ; оказалась огромная кучка денегъ: одиннадцать копѣекъ и все копѣечками. Милый мальчикъ! У него на-дняхъ мама умерла, и онъ теперь остался круглымъ сиротой, а о солдатикахъ болѣетъ душой, заботится. Ребята такъ даже позавидовали Егорушкиному богатству:

— Ишь, вѣдь, Егорка сколько денегъ накопилъ,—сказали нѣкоторые изъ нихъ.

Собралось такимъ образомъ у насъ 2 рубля 19 копѣекъ деньгами, 25 кисетовъ, 10 полотенецъ, 20 носовыхъ платковъ, 3 пары онучъ (портянокъ), однѣ шерстяныя перчатки и 10 восьмушекъ махорки.

— Ну, а на деньги что же мы купимъ?— спрашиваю я дѣтей.

— Надо побольше табачку. Мой тятька говоритъ, что солдатику безъ табачку крышка,—говоритъ Витя, отецъ котораго участвовалъ въ русско-японской войнѣ.

— Да, да, табачку,—подтверждаютъ и другіе мальчики.

— Нѣтъ, Ѳ. Т., зачѣмъ табачку? Лучше конфетъ,—предлагаетъ маленькая восьмилѣтняя дѣвочка Маша. — Конфеты слаще.

Мальчики смѣются, но дѣвочки относятся къ предложенію малютки Маши серьезно.

— Что смѣетесь? — говорятъ онѣ мальчикамъ.—Не всѣ же солдатики курятъ. Пусть и конфетъ, кто не куритъ, поѣдятъ.

— Ну, хорошо,—говорю я,—купимъ и конфектъ и табаку.

— И папиросъ еще надо офицерамъ,—кричатъ настойчиво мальчики.

— А то я видѣла въ лавкѣ, — говоритъ дѣвочка Поля,—хорошенькіе-прехорошенькіе носовые платочки по десяти копѣекъ. Вотъ и платочковъ-бы послать.

— Нѣтъ, платочковъ не надо: у насъ ихъ и такъ много нанесено, а лучше чаю. Такія есть восьмушечки маленькія въ лавкѣ по пятачку,—предлагаетъ Леша. — Мы ихъ всегда покупаемъ, и чай въ нихъ хорошій.

— Ну, да лучше чаю, чѣмъ платковъ,— раздается со всѣхъ сторонъ.

Записываю, что надо купить и чаю.

— Теперь, — говорю я, — подсчитаемте, на сколько мы купимъ всего.

— Табаку 20 восьмушекъ!—кричатъ мальчики.

— Хорошо. На 80 копѣекъ.

— Конфетъ 100 штукъ!—кричатъ дѣвочки.

— Хорошо. На 25 копѣекъ.

— Папиросъ 10 пачекъ по 6 копѣекъ!

— Хорошо. На 60 копѣекъ.

— А на остальныя чаю,—кричитъ Леша.— Чаю-то, чаю не забудьте.

— Это будетъ 11 пакетиковъ, — кричитъ старшее отдѣленіе.

Купить все это въ лавкѣ были избраны классомъ три ученика старшаго отдѣленія.

Послѣ обѣда обсудили, куда и кому направить наши подарки.

Нѣкоторыя изъ дѣтей стояли за отсылку подарковъ своимъ деревенскимъ солдатамъ. — Тамъ они раздадутъ и другимъ,—говорили дѣти. Но отъ этой мысли они сразу же отказались, когда я имъ разсказалъ, что наши подарки очень не скоро дойдутъ, благодаря почтовымъ затрудненіямъ, и указалъ на самый скорѣйшій путь доставки солдатикамъ нашихъ подарковъ чрезъ отдѣленіе Склада Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, которымъ, судя по газетнымъ свѣдѣ-

ніямъ, организована, при помощи спеціальныхъ поѣздовъ, отправка на передовыя позиціи поступающихъ пожертвованій. Дѣти согласились на мое предложеніе, и подарки были запакованы для отправки на почту.

Всѣ дѣти вложили въ свои подарки записочки съ адресами своего мѣстожительства.

— Милый солдатикъ, я, ученица О—ской школы, посылаю тебѣ въ подарокъ кисетъ, конфетъ и табаку,—пишетъ одна дѣвочка. — Желаю тебѣ всего хорошаго. Будь живъ и здоровъ и не скучай. Мы часто о васъ вспоминаемъ въ школѣ.

— Милый солдатикъ! желаю тебѣ всего хорошаго. Мы тебѣ посылаемъ гостинцы отъ всего сердца. Желаемъ отъ Господа Бога тебѣ добраго здоровья и въ дѣлахъ вашихъ счастливаго успѣха. Мой тятька тоже на войнѣ. Его зовутъ Василіи Андреевъ. Увидишь его, такъ кланяйся. Скажи ему, что мы здѣсь не скучаемъ. Живемъ, слава Богу, хорошо,—пишетъ другая дѣвочка Маша.

— Дорогой солдатикъ! посылаемъ мы, ученики О—ской школы, въ подарокъ тебѣ кисетъ, табаку и папиросъ. Не скучай. Бей нѣм-

ца крѣпче. Я выросту, такъ тоже думаю итти на войну. Я и сейчасъ бы пошелъ, да тятька не пускаетъ,—пишетъ мальчикъ.

Уже когда посылки были запакованы, нѣкоторыя изъ дѣтей сказали, что ихъ родители тоже желали бы отправить отъ себя подарки солдатикамъ вмѣстѣ съ школьниками.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. — закричали дѣти. — Это пусть отъ насъ отдѣльно. А они пусть сами по себѣ.

Я сказалъ дѣтямъ, что кто изъ взрослыхъ желаетъ отправить что-либо въ армію, то пусть приносятъ, и мы отправимъ отдѣльной посылкой.

Дня черезъ три мы отправляли съ однимъ крестьяниномъ, ѣхавшимъ на станцію, двѣ посылки: одну небольшую отъ дѣтей, а другую—довольно объемистую отъ взрослыхъ.

IV.

Интересъ къ военнымъ событіямъ у дѣтей сильный. Они ежедневно просили меня ознакомить ихъ съ газетными свѣдѣніями о войнѣ, и когда я, удовлетворяя ихъ просьбу, разска-

зывалъ о ходѣ военныхъ событіи, дѣти не довольствовались одними моими словами: они требовали, чтобы я указалъ имъ на картѣ, съ условными знаками которой они живо ознакомились, расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, мѣсто происходившаго боя и т. д.

Даже на урокахъ, совершенно о войнѣ ничѣмъ не напоминавшихъ, нерѣдко дѣти обращались ко мнѣ съ различными вопросами.

— А что-то теперь на войнѣ?

— А что, въ дождь воюютъ, или нѣтъ?

— А пожалуй сильнѣе нѣтъ казаковъ?

— А что такое шрапнель? пулеметъ? гаубица? Которая изъ нихъ сильнѣе бьетъ?

— А что, правда, что раненыхъ нѣмцы добиваютъ?

— Горазъ больно раненымъ?

Въ первые учебные дни часто было невозможно довести урокъ до конца. За однимъ вопросомъ сыпались другіе. За однимъ слухомъ разсказывался другой.

Въ перерывахъ между уроками всѣ разговоры дѣтей вертятся около войны.

— Да знаешь ли, — слышу я изъ своей комнаты, какъ говоритъ Гриша,—что если бы

не русскіе, то нѣмцы разбили бы и англичанку, и француза.

— Да, пожалуй,—возражаетъ ему Вася,— разбилъ бы онъ англичанку!.. Вотъ какъ не англичанка бы да не французъ, такъ русскимъ бы труба...

— А зачѣмъ же русскіе пошли бы воевать тогда, какъ нѣмецъ не тронулъ бы француза да англичанку?—спрашиваетъ его Гриша.

Дальше завязывается споръ чисто политическаго характера. Во время его перебираются всѣ державы, ихъ военныя силы и отношенія къ войнѣ. Сыплются ссылки на газеты и слухи.

Казалось, разговорамъ конца не будетъ.

Войти сейчасъ въ классъ,—нельзя будетъ заняться урокомъ, такъ какъ посыплются и многочисленные вопросы, и просьбы о разрѣшеніи споровъ. Я осторожно стучу въ классную дверь, желая отвлечь дѣтей отъ разговора. Они настораживаются и затихаютъ на нѣсколько минутъ. Пользуясь этой тишиной, я съ напускною суровостью вхожу въ классъ и благополучно начинаю урокъ.

Но вотъ учебный день кончился. Дѣти уже собирались уходить домой, какъ мнѣ подали почту: газеты, журналы, письма.

Это—цѣлое событіе въ нашей школьной жизни настоящаго времени. Новостей о войнѣ жаждутъ дѣти не менѣе, чѣмъ взрослые. Когда я сталъ разбирать почту, дѣти окружили меня тѣснымъ кольцомъ и забросали вопросами: ну, что о войнѣ? какъ? здорово бьютъ? чья взяла?

— Обождите,—прошу я ихъ,—дайте, хотя немножечко, самому ознакомиться. Возьмите вотъ журналы и посмотрите картинки.

Но за журналы ухватывается небольшая часть дѣтей изъ младшихъ отдѣленіи. Остальныя же дѣти твердо заняли свои позиціи около меня и не думаютъ отступать.

— Ну, что?.. какъ?.. здорово?..—раздаются около меня еще назойливѣе голоса дѣтей. — Прочитайте что-нибудь.

Нѣкоторыя изъ дѣтей забрались на парты около класснаго стола, за которымъ я просматриваю газеты, и, протянувшись чрезъ него, стараются заглянуть въ газету, другія налегли на мои плечи, спину.

— А-а-а! нѣмцы отступаютъ! — кричитъ Миша, протѣснившися впередъ всѣхъ своихъ товарищей и какимъ-то образомъ примостившійся на той же табуреткѣ, на которой и я сижу.—Плѣнныхъ 3000!.- А-а-а!.. У... у...—уже восторженно кричитъ онъ.

— Гдѣ?... гдѣ?...—торопливо спрашиваютъ дѣти Митю и сильнѣе налегаютъ на меня и на него.

— Задавите!—кричитъ Митя.

Дѣйствительно, стало жарко и душно отъ налегшихъ на меня дѣтей.

— Пойдемте къ картѣ,—предлагаю я.

Дѣти живо оставляютъ свои позиціи и бѣгутъ, тѣснясь, къ географической картѣ. Сюда же присоединяются и тѣ, что разсматривали журналы.

Я знакомлю дѣтей съ свѣжими газетными извѣстіями о войнѣ.

— Побѣда русскихъ,—объявляю я.

И эта вѣсть несказанно радуетъ дѣтей.

— Вотъ это такъ!.. здорово!.. ай да русскіе!—слышатся восторженные крики окружившихъ меня дѣтей.—И плѣнныхъ много?.. Вотъ это такъ!

Я указалъ на картѣ фронтъ происходившаго боя и линію отступающаго непріятеля, сказалъ о значеніи одержанной побѣды и отошелъ отъ дѣтей, зная, что они теперь оставятъ меня въ покоѣ на нѣкоторое время и дадутъ возможность хотя что-нибудь просмотрѣть въ газетѣ спокойно, безъ помѣхи.

Прошло 15—20 минутъ. Дѣти, наговорив-

шись между собою у карты, по одному, по два начинаютъ опять окружать меня. Теперь они стоятъ около меня тихо, не толкаясь. Это—вѣрный признакъ, что имъ охота поговорить со мною.

— Ну, что же домой-то не идете? — спрашиваю дѣтей.

— Да не охота. Разскажите еще что-нибудь о войнѣ. Что пишутъ? — просятъ меня дѣти.

— Да, вотъ теперь тамъ на войнѣ воюютъ,—не давая мнѣ удовлетворить просьбу дѣтей, говоритъ стоящи рядомъ со мной бѣленькш, небольшого роста мальчикъ третьяго отдѣленія Гриша съ задумчиво-мечтательнымъ взоромъ.—Убиваютъ тамъ, ранятъ людей... И зачѣмъ только воюютъ?—обращается онъ ко мнѣ съ вопросомъ, устремляя пытливо на меня свои глаза.

— Зачѣмъ?... зачѣмъ?... — нетерпѣливо отвѣчаетъ ему Митя.—Надо же воевать, какъ непріятель нападетъ. А то вѣдь всѣхъ перебьютъ.

— Такъ-то такъ. Я это знаю, — говоритъ Гриша своимъ тихимъ голосомъ.—А вотъ зачѣмъ они—нѣмцы-то—начали воевать? Вѣдь и ихнихъ бьютъ.

Я разсказалъ, какъ только могъ проще и

яснѣе, дѣтямъ о причинахъ, вызвавшихъ нынѣшнюю европейскую войну, насколько онѣ извѣстны мнѣ изъ газетъ.

Но вижу, дѣтей не удовлетворило мое объясненіе. Въ этихъ пытливо обращенныхъ на меня дѣтскихъ взорахъ я прочиталъ, что дѣтямъ хочется знать не о внѣшнихъ причинахъ, побудившихъ Австрію напасть на Сербію, а Германію объявить войну Россіи и такимъ образомъ зажечь общеевропейскій пожаръ, а о причинахъ внутренняго характера.

— А зачѣмъ вотъ они начали-то, задумали воевать?—спрашиваетъ опять Гриша тихо, а за нимъ этотъ вопросъ свѣтится и изъ другихъ пытливыхъ дѣтскихъ глазъ.

Я совершенно не понялъ, что дѣти требовали этимъ вопросомъ отъ меня, и молчалъ. Молчали и они, навѣрно ожидая отъ меня отвѣта.

Въ классѣ сдѣлалось совершенно темно, и эта темнота наполняла мою душу чѣмъ-то жуткимъ и грязнымъ... Мои мысли были о германскомъ милитаризмѣ, о лужахъ крови, о невѣроятныхъ человѣческихъ страданіяхъ, какъ слѣдствіяхъ его... А прямо на меня смотрѣли спокойные, чистые, какъ звѣзды небесныя, ясные дѣтскіе глаза.

Непріятныя были эти мысли и ихъ переживаніе, и, чтобы отогнать ихъ отъ себя, я всталъ.

— Пора, дѣтки, домой: темно,—сказалъ я.

Дѣти зашумѣли и начали расходиться.

Я знаю, что дѣти, придя домой, долго, долго будутъ разсказывать своимъ роднымъ о войнѣ, надоѣдать имъ различными вопросами о причинахъ ея возникновенія, о способахъ веденія и т. д.

— Ужъ вы, пожалуйста, Ѳ. Т., почаще разсказывайте ребяткамъ о войнѣ,—просилъ меня одинъ крестьянинъ, зашедшій ко мнѣ узнать новое о войнѣ.—Мой Митюха придетъ домой изъ школы, такъ весь вечеръ только его и слушай: ужъ больно интересно. Одно не ладно, что надоѣдаетъ вопросами: что да отчего?

V.

У насъ въ школѣ часто даются дѣтямъ въ классѣ на урокахъ „свободныя“ сочиненія, т. е. сочиненія, не стѣсненныя ни темой, ни планомъ, ни формой изложенія.

Въ своихъ „свободныхъ“ сочиненіяхъ нынѣшняго года дѣти много вниманія удѣляютъ войнѣ.

Многія изъ этихъ сочиненіи интересны и въ бытовомъ отношеніи.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, принадлежащія ученикамъ IV-го отдѣленія начальной школы. Орѳографическія и нѣкоторыя грубыя стилистическія ошибки мною исправлены.

1. Какъ нашего барина взяли.

Нашъ баринъ—нѣмецъ. Вотъ, какъ объявили войну, у насъ въ деревнѣ и стали говорить, что къ барину въ садъ летаютъ на аэропланахъ нѣмцы и узнаютъ все про русскихъ. И говорили, что они бросятъ въ нашу деревню бомбу и наша деревня вся развалится и всѣхъ задавитъ. Мы страшно боялись, особенно ночью. Вотъ разъ играли мы въ полѣ и говоримъ: пойдемте, поглядимте, что дѣлаетъ нѣмецъ.—Нѣтъ, я не пойду,—сказалъ мой товарищъ Вася,—еще нѣмецъ убьетъ. Ну, а мы пошли. Подходимъ къ мызѣ, и стали смотрѣть черезъ заборъ. А баринъ-то стоитъ въ саду и смотритъ вверхъ.—Видно аэроплана дожидаетъ,—шепнулъ Митя. Мы забоялись, да давай Богъ ноги домой. А Сенечкѣ-то не поспѣть за нами бѣжать, такъ онъ заплакалъ, заревѣлъ благимъ матомъ. А мы-то думали, что нѣмецъ его сцапалъ. Еще сильнѣе давай бѣжать. Прибѣжалъ я домой запыхавшись, скорѣй раздѣлся да на печку.—Чего ты?—спросилъ меня отецъ.—Да вонъ къ нѣмцу аэропланъ летитъ, — говорю. — Дай-ка, пойду, посмотрю,—сказалъ отецъ. Вечеромъ отецъ пришелъ домой и говоритъ: смотрите, сейчасъ нашего нѣмца въ станъ поведутъ. Мы къ окну. И видимъ, что приставъ и урядникъ и

жандармъ повели нѣмца въ станъ.—Ну, слава Богу, теперь никого не будемъ бояться,—сказала мать. Я поужиналъ и легъ спать.

2. Какъ я на войну хотѣлъ.

Какъ войну объявили и всѣ наши запасные ушли на войну съ нѣмцемъ, п я сталъ у папы проситься на войну. А папа говоритъ: ну, что-жъ? ступай, мнѣ не жалко. Только надо сухарей насушить. Вотъ я мамѣ и говорю: суши, мама, теперь сухарей. Мама говоритъ: ладно. Теперь поздно, ложись спать, а завтра насушу. Всталъ я на другой день рано. Мама спитъ.—Мама, вставай да суши сухари,—сказалъ я. Мама говоритъ: сынокъ, я больна и не могу сегодня. Ужъ завтра. И такъ больше недѣли мама по утрамъ была больна. Я плакалъ, что сухарей мнѣ не сушатъ, и хотѣлъ итти безъ сухарей. А папа говоритъ, что безъ сухарей съ войны прогонятъ домой. А потомъ пришло время итти въ школу. Папа сталъ меня посылать въ школу. А я сказалъ: я вѣдь на войну пойду, а въ школу не хочу. Папа и говоритъ: глупецъ ты этакій! На войнѣ тебѣ ногу и руку оторвутъ и глазъ выбьютъ, и тогда офицеромъ тебѣ не быть. А выучишься въ школѣ, я тебя отдамъ въ городъ на офицера учиться. Тогда и на войну пойдешь. Такъ и уговорилъ меня папа не итти на войну.

3. На раненыхъ жертвы.

Вотъ мы и согласились въ школѣ собрать на раненыхъ, кто чего хочетъ. Пришла я домой и думаю: что мнѣ послать. Было у меня 3 коп. Я пошла въ лавку и

купила восьмушку табаку. Потомъ принялась шить кисетъ. Мама дала мнѣ иголку, нитку и красивую тряпочку. Вотъ я шила, шила весь вечеръ, а кисетъ вышелъ некрасивый. Всѣ стали смѣяться, что я не знаю шить. Я стала плакать, что всѣ принесутъ кисеты, а у меня не будетъ. Тогда мама сшила мнѣ кисетъ. Я положила въ него табакъ и была рада. Потомъ легла спать, а кисетъ положила подъ постель къ себѣ, чтобы не украли. На другой день стала я собираться въ школу. А мама говоритъ: на, еще снеси солдатикамъ ручникъ. Иду я въ школу, а бабушка Маша закричала мнѣ: Поля, ты что, въ школу?—Въ школу.—У васъ тамъ на раненыхъ собираютъ?—Собираютъ, говорю.—Такъ вотъ снеси, кормилица, и отъ меня въ подарокъ онучки да 3 коп. Я взяла и пошла въ школу.

4. Какъ мы воевали.

Мы теперь часто играемъ въ войну въ праздники и послѣ уроковъ въ будни. Разъ въ воскресенье собралось насъ шесть человѣкъ: я, Паисій, Бѣлый, Кузя, Митя и Вася. Паисій былъ командующій, а мы—солдаты. У насъ были сдѣланы сабли, ружья и пики. Играли, играли на огуменкѣ Волковомъ. Все хотѣли забрать въ плѣнъ башню. Мы думали, что въ ней сидятъ нѣмцы. А потомъ надоѣло.—Знаете что?—говоритъ Бѣлый.—Пойдемте воевать съ М—кими ребятишками. Вонъ они тамъ на огуменкѣ бѣгаютъ.—Пойдемте,—сказали мы. Вотъ Паисій поставилъ насъ въ ряды и скомандовалъ: направо!.. кругомъ!.. шагомъ маршъ!.. Мы пошли, какъ солдаты. Дядя Павелъ попался намъ навстрѣчу.—Здорово, ребятки!—сказалъ. А мы какъ закричимъ: здравія желаемъ, ваше

благородіе! А онъ:—вотъ молодцы!.. А мы:—рады стараться!.. Дядя Павелъ засмѣялся. Мы пошли дальше. Подходимъ къ М—скимъ огуменкамъ. Видимъ, ребятишки на Мосенковомъ огуменкѣ бѣгаютъ. Вотъ Паисіи и говоритъ: идите тихо, чтобы не видѣли. Мы прикурнулись, тихонько маршъ въ кусты, потомъ вдоль стѣны дяди Ильюшки гумна, да какъ изъ-за угла кинулись на ребятишекъ, да какъ закричимъ:—ура!.. ура!.. Они перепугались, да заревѣли, да бѣжать. А мы ихъ догонимъ котораго, повалимъ да саблями колоть. А они ревутъ, плачутъ. А дядя-то Ѳедька увидѣлъ, что мы ихнихъ М—кихъ обижаемъ, схватилъ въ гумнѣ метлу да на насъ. Хлопъ Паисія по спинѣ, ажно онъ свалился. Мы перепугались, да давай Богъ ноги назадъ. Я тогда потерялъ ружье.

VI.

Война не только захватила вниманіе дѣтей-школьниковъ, но и подняла у нихъ сильный интересъ къ явленіямъ, связаннымъ съ веденіемъ ея.

Артиллерійскій бой и штыковой, лихія развѣдки и атаки казаковъ, воздушныя развѣдки на аэропланахъ, морской бой и проч.,—все дѣти ввели въ свою маленькую домашнюю и школьную жизнь.

Въ первые же учебные дни я сталъ замѣчать, что, несмотря на самое тщательное со стороны дежурныхъ наблюденіе за чистотою

и порядкомъ въ классѣ, на полу его то и дѣло виднѣлись валяющіяся бумажки. При осмотрѣ этихъ бумажекъ я увидѣлъ, что всѣ онѣ имѣютъ одну и ту же форму треугольника.

— Что это за бумажки валяются по полу?— обратился я къ дежурнымъ.

— Это еропланы, — отвѣтили мнѣ заразъ нѣсколько голосовъ со всѣхъ концовъ класса.

— Еропланы? — говорю я съ удивленіемъ и невольно поднимаю съ пола одну изъ бумажекъ.

— Да, да!—кричитъ уже вся школа.—Вы пустите ихъ, такъ они и полетятъ.

Я пустилъ „еропланъ“, но онъ вмѣсто того, чтобы летѣть, упалъ на полъ.

— Нѣ-ѣтъ, вы не такъ. Вы бросьте, бросьте... Вотъ я, — кричалъ сильнѣе всѣхъ Булыня, бѣлоголовый, съ острыми подвижными глазами маленькій толстякъ, ученикъ второго отдѣленія, который превзошелъ всѣхъ не ученьемъ, а своими различными хитроумными продѣлками и проказами.

И онъ вынимаетъ изъ парты большой „еропланъ“ и бросаетъ его. „Еропланъ“ плавно летитъ по классу и какъ-разъ попадаетъ при своемъ паденіи на голову Мити.

Митя бросаетъ его обратно Булынѣ, и

„еропланъ“ также плавно возвращается въ руки къ своему хозяину.

— Это—„цапалинъ“,—хвастливо говоритъ Булыня.—Онъ всѣхъ перебижаетъ.

— Какъ же ты его сдѣлалъ?—спрашиваю я.

— А вотъ смотри,—и Булыня развернулъ всѣ части своего „цапалина“.

Оказалось, что „цапалинъ“ сдѣланъ изъ одного четырехугольнаго листа бумаги, искусно свернутаго въ видѣ трехъ трехугольниковъ, такъ что составляются два крыла и корпусъ „цапалина“. Острый конецъ „цапалина“ сдѣланъ для равновѣсія толстымъ.

— Ну, и что же, ты играешь имъ?—спрашиваю Булыню, когда онъ окончилъ свое объясненіе.

— Да вотъ какъ перемѣна, такъ мы и пускаемъ ихъ по классу. Хорошо смотрѣть,—говоритъ восторженно Булыня.—Наши обижаютъ старшихъ.

— А развѣ и у другихъ есть?—спрашиваю.

— А какъ-же!..

И всѣ шестьдесятъ человѣкъ, въ томъ числѣ и дѣвочки, начали шарить въ партахъ и черезъ минуту вытащили по „еропланy“.

— Смотрите! — кричатъ дѣти. — Вотъ мы пустимъ!

И вмигъ по классу плавно полетѣла огромнѣйшая куча большихъ и маленькихъ „еропланов“ различныхъ цвѣтовъ: красные и синіе, бѣлые и черные, голубые и проч. Булынинъ „цапалинъ“ занималъ первое мѣсто по своей величинѣ среди своихъ собратіи.

— Хорошо?—спрашиваютъ меня нѣсколько дѣтскихъ голосовъ.—Красиво?

— Даже очень красиво, — искренно говорю я.

— А мой-то, мой цапалинъ,—кричитъ Булыня,—вѣдь красивѣе всѣхъ?

— Красивѣе,—говорю я.

— Весь вечеръ вчера мастерилъ, — хвастаетъ Булыня.

— Цапалинъ мастерилъ, а уроковъ-то не знаетъ,—смѣются надъ нимъ его товарищи.

Булыня краснѣетъ и ничего не отвѣчаетъ на это замѣчаніе, а, наклонясь надъ „цапалиномъ“, поправляетъ ему крылья.

— Сегодня мы на улицѣ будемъ воевать въ обѣдъ,—сообщаютъ мнѣ дѣти.—Выходите на улицу, такъ увидите.

Въ послѣобѣденный перерывъ я былъ очевидцемъ „войны въ воздухѣ“.

Наскоро пообѣдавъ, дѣти собрались на площадкѣ у школы и, раздѣлившись на двѣ

партіи, начали пускать свои „еропланы“ по направленію другъ друга.

Плавно летали „еропланы“ по воздуху и иногда ударяли другъ въ друга, падали на землю, къ величайшей радости доморощенныхъ пилотовъ.

Булынинъ „цапалинъ“ чаще другихъ поражалъ маленькіе „еропланы“, часто заразъ нѣсколько штукъ, никогда самъ отъ толчковъ другихъ не падая. Булыня радостно кричалъ во все горло: — наше взяло!.. о-о-о!.. наше взяло!.. о-о-о...—и, подобно бурному вѣтру, носился сзади своего сокровища—„цапалина“, сбивая всѣхъ, встрѣчавшихся ему на пути. Раза два онъ чуть не сбилъ и меня съ ногъ.

— Цапалинъ!.. цапалинъ!..—кричалъ онъ, указывая мнѣ пальцемъ на носившіися, подобно своему хозяину, въ воздухѣ „цапалинъ“, какъ бы въ извиненіе своего поступка.

Наконецъ, и Булыня, и его „цапалинъ“ надоѣли всѣмъ ребятамъ, и ихъ отстранили отъ общей игры.

— Ступай отъ насъ прочь, когда не умѣешь хорошо играть,—говорятъ Булынѣ ребята.

Булыня не огорчился этимъ и ушелъ. Но

онъ не остался безъ дѣла. Убѣжавъ отъ общей группы дѣтей, онъ сталъ бросать свой „цапалинъ“ на крышу стоящей недалеко отъ школы кузницы. Вскорѣ его неистовые крики обратили вниманіе всѣхъ дѣтей.

— Булыня-то, Булыня съ ума сходитъ,— смѣялись дѣти.—Хоть што, такъ онъ кузницу хочетъ разрушить своимъ цапалиномъ.

— Что ты, Булыня, дѣлаешь?—крикнули ему нѣкоторыя изъ дѣтей.

— Нѣмецкій городъ разрушу,—отвѣтилъ онъ.—Идите на подмогу!

Дѣти всѣ бросились къ кузницѣ, и началась „осада города нѣмцевъ“ съ воздуха.

Но „городъ“ стоялъ, не испытывая никакого вреда, несмотря на самыя усиленныя попытки его разрушить. По прошествіи же четверти часа выяснилось, что „осаждающіе“ несутъ огромныя потери: много „еропланов“, пролетая надъ крышей кузницы, падало въ отверстіе ея, попадая такимъ образомъ внутрь кузницы, достать откуда ихъ уже не было никакой возможности, такъ такъ на двери ея висѣлъ замокъ. Даже „цапалинъ“ Булыни и тотъ скрылся въ этомъ отверстіи при общемъ смѣхѣ дѣтей надъ чуть не плачущимъ Булыней.

— Ну, что, братъ Булыня, разрушилъ городъ?—со смѣхомъ спрашивали его дѣти.

— Ничего,—оправившись отъ непріятнаго впечатлѣнія понесенной потери, говорилъ онъ.—Завтра другой будетъ.

Потерпѣвшіе неудачу при „осадѣ нѣмецкаго города“ „пилоты“ возвращались въ классъ, оживленно дѣлясь впечатлѣніями о только что происшедшемъ „боѣ“.

VII.

Прогуливаясь въ одинъ изъ воскресныхъ дней по полю, я услышалъ въ лѣску около озера, сплошь прорѣзанномъ искусственными ручьями для рыбной ловли, дѣтскіи крикъ и смѣхъ. По голосу я узналъ нѣкоторыхъ изъ моихъ учениковъ.

— Посмотрю, — рѣшилъ я, — чѣмъ они тамъ занимаются.

Подойдя ближе къ дѣтямъ, я увидалъ, что они, раздѣлившись на двѣ группы, что - то палками пихали въ одномъ изъ ручьевъ.

— Здорово, ребятки!—обратился я къ дѣтямъ.—Что вы тутъ дѣлаете?

— Морскую войну,—отвѣтили дѣти.—Мы—англичане, а они вонъ—нѣмцы.

Я заглянулъ въ ручей, навѣрно представлявшійся въ воображеніи дѣтей моремъ, и увидѣлъ множество большихъ и малыхъ „крейсеровъ“ (дощечекъ и досокъ, къ которымъ были прикрѣплены стоймя палочки съ развѣвающимися на нихъ „флагами“ (тряпочками). Особенно наряденъ былъ „крейсеръ“ Вани Мухина. Онъ представлялъ собою подобіе лодочки и разукрашенъ былъ разноцвѣтными тряпочками.

Двое мальчиковъ шли впереди всѣхъ, удерживая палками свои досочки подъ водою.

— А вы что же? развѣдчики?—спрашиваю у нихъ.

— Нѣтъ, мы начальники подводныхъ лодокъ,—отвѣтили они бойко.

Я чуть было не расхохотался этому наивному отвѣту, сказанному мнѣ серьезнымъ тономъ, но удержался, чтобы не смутить дѣтей и не низвести ихъ изъ области радужной фантазіи—игры къ простой прозѣ.

— Берегись!—неожиданно закричалъ выскочившій изъ-за кустовъ Булыня.—Цапалинъ убьетъ.

По воздуху просвистѣлъ камень, съ привязаннымъ къ нему „цапалиномъ“, и упалъ въ ручей какъ разъ на „крейсеръ “Вани Мухина.

Вода изъ ручья брызнула на меня и на „командировъ“ судовъ, а сами „суда“, подтолкнутыя волной, разлетѣлись въ разныя стороны: одни по направленію къ непріятелю, а другія, навѣрно страха ради, назадъ.

Когда вода успокоилась, Ванинаго красавца-„крейсера“ уже не было на поверхности ея: „цапалинъ“ Булыни потопилъ его.

— Гы-ы-ы,—заплакалъ Ваня, увидѣвъ гибель своего судна,—Булыня ты этакій, вездѣ поспѣешь.

Булыня, увидѣвъ меня, смутился. — Я не радъ,—сказалъ онъ виновато.—Зналъ бы, такъ не пустилъ.

Но это смущеніе продолжалось у него не долго.

— Чего ты плачешь?—обратился онъ съ ироніей въ голосѣ къ Ванѣ.—Захотѣлъ воевать и плачешь... И мой цапалинъ утонулъ.

— Твой цапалинъ изъ бумаги сдѣланъ, а мой хорошій,—не унимался Ваня.

— На, я тебѣ достану. Только не плачь,—успокаивалъ его Булыня и полѣзъ въ ручей, на днѣ котораго виднѣлись лежавшій „крейсеръ“ и въ немъ камень съ „цапалиномъ“.

— Простудишься, не ходи,—постарался я удержать Булыню.

— Ничего, я не боюсь,—отвѣтилъ онъ, вытаскивая за „мачту“ „крейсеръ“. — На, не плачь — обратился онъ къ все еще продолжавшему плакать Ванѣ, подавая ему „крейсеръ“.—А мой-то цапалинъ пропалъ. Пойду новый дѣлать. У насъ бумаги-то во еще какая куча,—показалъ онъ руками.

Булыня убѣжалъ. Дѣти принялись съ прежнею серьезностью и вниманіемъ продолжать „морской бой“, подпихивая палками свои суда.

Мнѣ стало скучно смотрѣть на эту однообразную и, казалось, скучную игру, и я ушелъ домой. Ребячьи же голоса еще долго, долго были слышны около ручьевъ: дѣти продолжали вести „морской бой“.

VIII.

Утреннія занятія въ школѣ кончились. Ученики, пообѣдавъ, рѣзвились около школы. Ихъ крики и смѣхъ доносились въ мою комнату и вызывали меня на улицу, на свѣжій воздухъ.

Не успѣлъ я окончить свой обѣдъ, какъ въ классѣ раздался чей-то рѣзкій плачъ...

Плачъ происходилъ съ небольшими перерывами. Видимо, плачущіи прислушивался, не выхожу ли я изъ комнаты въ классъ для выслушиванія его жалобъ. Послѣ каждаго перерыва плачъ усиливался съ сильными повышеніями и пониженіями голоса до чудовищныхъ размѣровъ.

Мнѣ надоѣлъ, наконецъ, этотъ плачъ, и я, не окончивъ обѣда, вышелъ въ классъ.

Оказывается, плачетъ „нѣмецъ". Такъ окрестили ученики одного изъ своихъ товарищей, здороваго и сильнаго мальчика, вѣчнаго забіяку и драчуна.

— Что такое?—спрашиваю его.

— Вонъ они меня ранили, — началъ онъ свою жалобу.

— Какъ ранили? — говорю я съ удивленіемъ.

— Да я хотѣлъ поиграть съ Мишкой да съ Семеномъ Ивановымъ, а они какъ схватили меня, хлопнули о земь, палецъ о камень и оцарапали,—продолжаетъ „нѣмецъ", плача.

— Вретъ, вретъ онъ, Ѳ. Т.,—вдругъ раздались голоса выглядывавшихъ изъ-за двери прихожей Мишки, Семена Иванова и другихъ мальчиковъ. — Мы это, Ѳ. Т., стали сговари-

ваться играть, а онъ подбѣжалъ къ Мишкѣ, да какъ схватитъ Мишку, и давай ломать. Ну, а мы хотѣли оттянуть его, чтобы не мѣшалъ, а онъ повалился да объ камень... Мы же не виноваты, что онъ самъ присталъ.

— Да, не виноваты... гы-ы-ы...—заголосилъ опять „нѣмецъ“, — а зачѣмъ вы толкаетесь больно... гы-ы-ы... гы-ы-ы...

— А зачѣмъ ты присталъ къ намъ? — оправдывались они.

— Гы-ы-ы... гы-ы-ы... палецъ въ кровь... ранили...—не унимался „нѣмецъ“, протягивая ко мнѣ руку съ раненымъ пальцемъ и разсматривая его.

Видъ плачущаго „нѣмца“ былъ комиченъ. Ребята не могли удержаться отъ смѣха.

Я, зная драчливый характеръ „нѣмца“, ничѣмъ инымъ не могъ ему помочь, какъ только совѣтомъ сидѣть въ классѣ, пока я обѣдаю.

— Знаешь что, Коля, (такъ звали „нѣмца“), — сказалъ я, — сиди-ка ты лучше въ классѣ да и не ходи играть съ этими басурманами. Они вѣдь не умѣютъ такъ играть, какъ ты. А я дамъ тебѣ интересныхъ картинокъ, и ты будешь сидѣть себѣ да разсматри-

вать ихъ... А потомъ, немного погодя, и пойдешь со мною на улицу... Ужъ я тебя никому не дамъ въ обиду.

„Нѣмецъ“ послушался моего совѣта и началъ раздѣваться.

— А вы въ войну играть не будете сегодня?—спросилъ онъ, раздѣваясь, уходившихъ своихъ обидчиковъ.

— Нѣ-ѣтъ, мы въ мячикъ, или на „ангела и трубочиста“,—отвѣтили они уже за дверью.

И „нѣмецъ“ успокоенный усѣлся за парту и началъ разсматривать данныя ему мною картинки, а я пошелъ оканчивать свой обѣдъ.

Времени до послѣобѣденныхъ занятій оставалось немного, когда я пообѣдалъ. Выходить поэтому на улицу было некогда, и я, чтобы полюбоваться на дѣтскія игры и шалости на свободѣ, усѣлся на свой „обсерваціонный пунктъ“ и сталъ издали наблюдать за игрою мальчиковъ. Они начинали играть на „ангела и трубочиста“. Начало игры шло все время правильно, но въ концѣ ея, когда дѣти, по правиламъ этой игры, раздѣлились на двѣ партіи—„ангеловъ“ и „трубочистовъ“ и начали другъ друга перетягивать за руки черезъ чер-

ту изъ „ада“ въ „рай“ и изъ „рая“ въ „адъ“, совершенно для меня незамѣтно случилось, что „ангелы“ оказались „русскими“, а „трубочисты“—„нѣмцами“. У той и другой стороны появились „главнокомандующіе“, и началась „война“.

Сначала ничего обиднаго ни для той, ни ни для другой стороны не происходило. Лишь „нѣмцамъ“ было не половить „русскихъ“, то и дѣло врывавшихся въ „лагерь нѣмцевъ“ и утаскивавшихъ изъ него палочку или что-нибудь другое. Но потомъ, смотрю, „война“ принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Бѣгать, навѣрно, надоѣло и той и другой сторонѣ, и обѣ стороны, снявъ съ себя пальто и кафтаны, принялись бороться между собою.

Затѣя эта мнѣ не понравилась, такъ какъ изъ опыта знаю, что она окончится для нѣкоторыхъ весьма плачевно. Я поспѣшилъ къ играющимъ, чтобы остановить ихъ. Но, увы! сдѣлать это было не такъ легко. Обѣ стороны пришли въ ожесточеніе и уже начали „рукопашную“.

Услышавъ мои окрики, „непріятели“ остановили „сраженіе“, но все еще стояли другъ передъ другомъ въ угрожающихъ позахъ.

— Развѣ такъ можно?—обратился я къ старшимъ мальчикамъ.

Они виновато потупились.

У нѣкоторыхъ изъ „нѣмцевъ“ были на глазахъ слезы.

— А „русскіе“ все таки задали пару „нѣмцамъ“,—смѣялся Гриша, когда улегся воинственный пылъ у той и другой стороны.— Небось, будутъ знать, какъ съ „русскими“ воевать.

IX.

Вечеромъ этого же дня пришелъ ко мнѣ одинъ крестьянинъ, отецъ двухъ моихъ учениковъ, и говоритъ:

— Прошу я васъ, Ѳ. Т., дать ребятишкамъ инструкцію, чтобы перестали играть въ войну. А то вотъ двоимъ уже глаза подбили, а рубахъ такъ и невѣдомо сколько перервали. Придутъ это вечеромъ изъ школы и, вмѣсто того, чтобы за книжку, айда на Губаплянный огуменокъ дурить. Самострѣлы, сабли, пики, и все такое сякое у самихъ поналожено, ну и катятъ другъ въ друга.

— Интересно, — думаю, — посмотрѣть воочію войну въ настоящемъ видѣ. А то какъ разъ въ жизни ни разу ея не увидишь.

На другой день, только что распустилъ дѣтей изъ школы по окончаніи учебныхъ занятій, какъ поспѣшилъ одѣться и окольнымъ путемъ забрался къ Губаплянному огуменку. Чтобы не смутить „воиновъ“ своимъ присутствіемъ, я забрался въ избу Василья Матвѣева, сосѣднюю съ „браннымъ“ полемъ, изъ которой было все видно и слышно, такъ какъ окна ея выходили на огуменокъ.

На огуменкѣ, къ моему приходу, уже бѣгало человѣкъ двадцать—двадцать пять мальчиковъ, большинство которыхъ составляли школьники, въ однѣхъ рубашкахъ и босикомъ, несмотря на довольно низкую температуру воздуха и на сильный пронизывающіи вѣтеръ. Всѣ дѣти были вооружены съ ногъ до головы: за плечами у нихъ висѣли винтовки (самострѣлы), на бокахъ деревянныя самодѣльныя сабли, въ рукахъ пики (длинныя заостренныя палки), а между ногъ „конь“ (тоже палка). По жребію раздѣлились они на двѣ партіи: „нѣмцевъ“ и „русскихъ“. Главнокомандующіе и командующіе объявились

какъ-то сами собой. Это были мальчики, превосходящіе своихъ товарищей и силой и ростомъ. „Арміи“ раздѣлились на двѣ части и заняли свои позиціи.

Сначала шелъ „артиллерійскій бой“. Самострѣлы то и дѣло щелкали, посылая въ сторону противниковъ „снаряды“ (маленькіе камешки). Продолжался онъ минутъ десять. Но раненыхъ было не видно.

Наконецъ, одной изъ „сражающихся“ сторонъ, какъ видно, надоѣло проводить время въ „этакой бездѣлкѣ“, и она бросилась на противника въ „штыки“. Вмигъ всѣ части обѣихъ арміи смѣшались между собой такъ, что уже нельзя было разобрать, гдѣ находятся „русскіе“ и гдѣ „нѣмцы“. Навѣрно, и сами противники часто смѣшивали своего съ непріятелемъ, такъ какъ то и дѣло слышны были крики:

— Ванька, вѣдь ты нашъ!.. Чего меня-то?..

— Сенька, я вѣдь вашъ... Ослѣпъ что-ли скриву-то?

„Бой“ происходилъ въ рукопашную: или старались въ охапку побороть другъ друга, или же сходились на кулачки.

Конца этой „битвы“ не предвидѣлось, такъ какъ живая сила ни съ той, ни съ другой

стороны не уменьшалась: побѣжденные, поваленные на землю или прижатые куда-нибудь въ уголъ огуменка оправлялись и опять бросались въ „бой“.

Вдругъ, откуда ни возьмись, вылетѣло человѣкъ десять „казаковъ“ на своихъ „лихихъ коняхъ“ (палкахъ), съ пиками въ рукахъ.

— Ну, теперь будетъ потѣха,—сказалъ мнѣ наблюдавши вмѣстѣ со мною „сраженіе“ хозяинъ избы Василіи Матвѣевъ.

И дѣйствительно, съ быстротою молніи врѣзались „казаки“ въ толпу играющихъ и начали наносить удары направо и налѣво, не разбирая ни своихъ, ни чужихъ.

Дѣло, вижу, приняло плохой оборотъ, и я поспѣшилъ на „поле битвы“, чтобы остановить „казаковъ“.

При своемъ приближеніи я услыхалъ плачущіе голоса:

— Я пойду, скажу тятькѣ... Не будешь такъ драться... Мы нарочно, а они и „взабыль“,—илакалъ одинъ мальчикъ, закрывъ руками свое лицо.

— Вотъ я завтра пожалуюсь учителю, чтобы ты не дрался своей пикой,—со слезами говорилъ другой.

Это были „раненые“: у перваго „пикой“

оказался подбитымъ глазъ, а второму сильно попало тѣмъ же орудіемъ по рукѣ.

Когда я пришелъ на „поле сраженія“, обѣ „арміи“—и „нѣмецкая“, и „русская“—съ плачемъ разсыпались кто куда, преслѣдуемыя казаками. Встрѣтились лишь мнѣ плачущіе „раненые воины“, идущіе жаловаться на обидчиковъ своимъ тятькамъ и окружившіе меня съ слезными жалобами.

Лишь на другой день „боя“, когда „воины“ собрались въ классъ, я могъ имъ сказать, что игра ихъ „въ войну“—опасная для нихъ, и посовѣтовалъ имъ „разоружиться“ и игру въ войну прекратить совершенно.

X.

Прошло недѣли три послѣ отправки въ армію нашихъ подарковъ.

Однажды, до начала учебныхъ занятій, я слышу изъ своей комнаты, что ученики въ классѣ о чемъ-то оживленно разговариваютъ между собою. Слова: можетъ, онъ раненъ... можетъ быть, теперь онъ п убитъ... то и дѣло перемѣшивались съ просьбами: ну, Танечка,

прочитай еще... прочитай... Маша, дай-ка, можетъ, я разберу.

— О чемъ это они,—недоумѣваю я,—такъ громко разговариваютъ?

Я поспѣшилъ въ классъ.

— Ѳ. Т.! письма... Эво письмо у Танечки... два письма получила и Маша Липаткова,— раздались со всѣхъ сторонъ возгласы окружившихъ меня дѣтей.

— Какія письма?—спрашиваю я, ничего не понимая.

— Да отъ солдатиковъ, которымъ мы подарки посылали,—посыпались объясненія дѣтей, возбужденныхъ отъ сіяющей на ихъ лицахъ радости.—Вотъ прочитайте... Танечка, Маша! дайте-ка письма Ѳ. Т-чу. Намъ-то всего и не разобрать,—кричатъ ребята, проталкивая ко мнѣ двухъ маленькихъ дѣвочекъ— Таню и Машу, ученицъ второго отдѣленія.

Таня и Маша подали мнѣ письма, на конвертѣ которыхъ былъ написанъ ихъ адресъ съ припискою на верху: изъ дѣйствующей арміи.

Я раскрылъ письма, и,—о, радость!—они были написаны руками солдатъ, сражающихся съ непріятелемъ, видящихъ ужасы смерти

на поляхъ сраженія, но нашедшихъ время написать нѣсколько ласковыхъ, теплыхъ словъ благодарности за скромные дѣтскіе подарки.

Вотъ эти несказанно обрадовавшія насъ солдатскія письма.

Письмо Танѣ.

1914 года 19-го октября.

Милая дѣточка Таня!

Сердечно благодарю за Ваши подарки, платочекъ и кисетъ. Васъ Богъ наградитъ, что не забыли солдата. Дай Богъ Вамъ успѣха въ Вашемъ ученіи и добраго здоровья.

Я служу въ Лейбъ-Павлоградскомъ гусарскомъ полку. Унтеръ офицеръ Александръ Михаиловъ Кирилловъ. Кисетъ очень хорошій.

Письмо Машѣ.

1914 года 18-го октября.

Сердечно благодарю, гусаръ Иванъ Антоновъ, за вашу посылку, Марья Ивановна, и шлю я вамъ привѣтъ и желаю я вамъ всего наилучшаго. Дай вамъ Господь Богъ въ здравіи расти и до старыхъ лѣтъ прожить.

И. Антоновъ.

По прочтеніи писемъ хотѣлось плакать отъ радости и цѣловать эти испачканные отъ дождя или отъ пота конверты и письма.

— Ѳ. Т.! позвольте еще собрать подарочковъ солдатикамъ! — просятъ меня дѣти.

— Надо, дѣтки, надо! — говорю я. — Богъ васъ не оставитъ, что вы не забываете солдата.

— Надо шить кисетовъ больше, благо они нравятся солдатикамъ,—говоритъ Дуня.

— А когда же начнемъ собирать?—спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ.

— Когда угодно,—говорю я.—Хоть сегодня.

Танѣ очень хочется послать свой подарокъ тому солдатику, который прислалъ ей письмо, и она нѣсколько разъ проситъ меня удовлетворить ея желаніе.

Въ этотъ же день послѣ обѣда въ нашу самодѣльную кружку на воиновъ (деревянную коробку отъ чернильнаго порошка), прибитую къ дверямъ класса по иниціативѣ дѣтей, многими учениками были вложены ихъ маленькія „особинки“ (монеты).

Сборъ подарковъ для воиновъ прошелъ и вторично очень оживленно въ продолженіе двухъ дней. Дѣвочки опять успѣли нашить около 50-ти кисетовъ, въ которые вложили

махорку, папиросы, курительную бумагу и записочки.

Отъ взрослыхъ было получено чрезъ учениковъ еще большее количество подарковъ для воиновъ, чѣмъ въ первый разъ.

XI.

Письмами, полученными отъ солдатъ школьниками, заинтересовались многіе изъ деревенскихъ жителей. Нѣкоторые изъ нихъ нарочно заходили ко мнѣ, чтобы лично удостовѣриться въ полученіи ихъ и собственными глазами прочитать эти, ставшія сразу для всѣхъ насъ милыми и дорогими, солдатскія письма. Всѣ крестьяне, читавшіе письма, не могли удержаться отъ радостнаго волненія.

— Да, вотъ эти писульки въ пороховомъ дыму были, потомъ солдатскимъ пропитаны,— говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, — они дороги намъ. Тамъ, среди ужасовъ войны, солдатики получили незатѣйливые дѣтскіе подарки и незамысловатыя ихъ писульки, навѣрно, несказанно обрадовались.... Можетъ статься, что они женатые, вспомнили своихъ

дѣтокъ, и отъ этого восиоминанія имъ стало веселѣе и отраднѣе на душѣ.

— Вотъ,—радостно говорилъ мнѣ другой крестьянинъ, по прочтеніи этихъ писемъ,— еще говорятъ, что подарки-то не дойдутъ до воиновъ, а вотъ, видите, и дошли... Надо, Ѳ. Т., еще послать... Вы бы сборъ-то сдѣлали со всей деревни. А то вѣдь взрослые только тѣ присылали подарки, у которыхъ въ семьѣ есть школьники. А другіе-то и рады бы, да то то, то сё, и некогда принести. Вотъ тогда набрали бы побольше и получше. Да и спасибо бы отъ каждаго заслужили.

Мои школяры уже давно приступали ко мнѣ съ просьбами итти собирать по деревнѣ подарки для воиновъ, „какъ петроградскіе гимназисты“, о которыхъ они читали въ газетахъ, но я, хотя и давалъ на это свое согласіе, медлилъ удовлетворить ихъ просьбу.

— Ахъ бы мы и набрали подарковъ-то, во какую кучу, — соблазняли меня дѣти. — Пойдемте только поскорѣе.

— Хорошо, дѣти, — говорилъ я имъ,—мы сдѣлаемъ сборъ по деревнѣ, только нужно обождать. Скажите, чтобы готовились.

— Мой папа,—сообщаетъ мнѣ Дуня,—уже

готовитъ подарокъ отъ себя. Только можно-ли ему письмо положить и на подаркѣ написать свое имя и отчество?—спрашиваетъ она.

— Конечно, можно,—отвѣчаю я. — И это даже пріятно будетъ солдатику.

— А наша няня уже чулки связала въ подарокъ солдатамъ... Теперь вяжетъ дьяночки (напульсники),—говоритъ Вася.

— А у Мани-то Губаплянной два полотенца вышиты солдатикамъ красиво, красиво,— восторгаются дѣвочки.—Она теперь собирается вышить словами простыню по краямъ.

Оказывается, что дѣти, еще задолго до моего согласія сдѣлать сборъ, усердно распространяли по деревнѣ вѣсти, что мы всей школой съ учителемъ пойдемъ собирать подарки для воиновъ.

Такимъ образомъ, деревня уже давно готовилась ко дню сбора, приготовляя подарки защитникамъ родины.

Дня за три до сбора мною были вывѣшены объявленія въ мелочной лавкѣ и въ нѣкоторыхъ избахъ, куда по вечерамъ сходились крестьяне побесѣдовать о переживаемыхъ событіяхъ, почитать газеты, съ призывомъ къ пожертвованію на воиновъ.

Дѣти усиленно готовились ко дню сбора. Они оживленно совѣщались, какъ производить сборъ, устроили большой плакатъ, на которомъ крупно написали масляной краской: „жертвуйте на воиновъ“, и украсили его флагомъ. На всякій случай выучили наизусть нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ войнѣ, а нашъ школьный „художникъ“, ученикъ четвертаго отдѣленія, нарисовалъ нѣсколько военныхъ картинокъ, которыя мы вздумали распродать по деревнѣ.

Сбору подарковъ было посвящено одно воскресенье, когда никто изъ крестьянъ не уходитъ изъ дома на работы.

Сразу же послѣ обѣдни дѣти, нарядившись въ праздничныя одежды, собрались въ школу, откуда и двинулись на свое скромное христіанское дѣло.

Много было споровъ и даже слезъ изъ-за плаката съ флагомъ: каждому хотѣлось его нести. Я успокоилъ дѣтей, что флагъ будутъ нести всѣ безъ исключенія по-очереди.

Всей школой прошли мы по деревнѣ, давая знать всѣмъ о началѣ сбора, а потомъ начали производить сборъ.

Дѣти съ плакатомъ входили въ каждую

избу, и одинъ изъ старшихъ учениковъ обращался къ хозяину дома съ слѣдующими словами:

Хозяинъ! ты живешь въ довольствѣ:
Обутъ, одѣтъ и сытъ.
А тамъ, съ врагомъ Руси сражаясь
И въ дождь, и вѣтеръ, и морозъ,
Твои защитники– солдаты
Нужду, страданья принимаютъ.
Утѣшь, хозяинъ, ихъ, чѣмъ можешь,
Пошли подарокъ ты имъ свой:
Они страданья принимаютъ,
Чтобы спасти насъ отъ враговъ.
Солдатамъ нуженъ чай и сахаръ,
Бѣлье, и мыло, и табакъ.
Вотъ это мы и собираемъ,
Чтобъ на войну все отослать.

Въ которую бы избу мы ни являлись, вездѣ насъ встрѣчали съ радостью и отдавали намъ уже заранѣе приготовленные подарки. Не было ни одной избы, гдѣ бы мы не получали чего-нибудь въ подарокъ воинамъ и гдѣ бы насъ искренно не благодарили за то, что мы приняли на себя трудъ собрать подарки солдатикамъ.

Въ нѣкоторыя бѣдныя семьи, особенно въ тѣ, члены которыхъ мобилизованы, мы заходить

стѣснялись, думая, что тамъ не до подарковъ, что тамъ своихъ заботъ достаточно, но едва успѣвали мы пройти мимо этихъ жилищъ бѣдняковъ, какъ сами хозяева намъ выносили чего-нибудь для подарка воинамъ.

— Родной ты нашъ,—говорила мнѣ одна бѣдная женщина съ нескрываемыми слезами на глазахъ, вынося въ подарокъ полотенце и клочекъ шерсти, — что же мы обсѣвъ въ полѣ что-ли, али мы — бѣдные, такъ и принять отъ насъ не хотите. Хоть и малъ нашъ подарокъ, да зато отъ всей души.

Многіе изъ жертвователей просили отправить ихъ подарки по особому назначенію.

— Ужъ ты, кормилецъ, мои-то подарочки раненымъ куда въ лазаретъ отправь, — просила меня одна женщина. — Страдальцы они великіе, пусть хоть немного утѣшатся, что о нихъ мы заботимся.

— Наши-то подарки просимъ отправить на самыя что ни на есть передовыя позиціи,— просили въ другомъ мѣстѣ. — Пусть тамъ знаютъ, что мы о нихъ заботимся, не забываемъ ихъ.

Почти въ каждый подарокъ взрослые вкладывали свои записочки съ адресами. Надежда

получить письма оттуда, съ войны всѣхъ не оставляла.

— Дорогой другъ солдатикъ! — пишетъ одинъ пожилой крестьянинъ.—Отъ всей души и всего сердца посылаю я тебѣ въ подарокъ четверку табаку и трубку. Дай Богъ тебѣ здоровья и силы. Господь наградитъ васъ за ваши великіе труды на войнѣ. Дай Богъ побѣдить врага и вернуться здоровымъ.

— Дорогой солдатикъ! — стояло въ другомъ письмѣ. — Защищай свое отечество и свою родину-мать всѣми силами, потому война эта не простая, не зрящая. Не давай въ обиду насъ. Тебя Господь не оставитъ, и царь наградитъ. Мы всѣ печемся и думаемъ о васъ денно и нощно и въ молитвахъ не забываемъ о васъ. У меня у самого два сына солдата. И я горжусь, что они защищаютъ свое отечество.

Дѣти, встрѣчая вездѣ радушный пріемъ и похвалу своему поступку, еще сильнѣе ободрялись и, окончивъ сборъ въ своей деревнѣ, предлагали мнѣ итти собирать подарки и въ сосѣднія селенія.

— Полно, дѣтки, — говорю имъ, — и такъ устали, да уже и темно становится. Пора заканчивать работу.

На слѣдующій день былъ произведенъ подсчетъ собраннаго.

Оказалось, что мы собрали 67 полотенецъ, 5 простынь, 95 кисетовъ съ махоркой и курительной бумагой, 100 слишкомъ носовыхъ платковъ, 35 паръ портянокъ, 15 паръ шерстяныхъ перчатокъ, 10 паръ носковъ и проч., и, кромѣ этого, деньгами 7 руб. 50 коп., да отъ продажи картинокъ нашего художника 47 коп. Опредѣленной цѣны на нихъ не было: кто сколько дастъ. Раскупали картинки весьма охотно, и ихъ даже у насъ не хватило.

Я и дѣти чувствовали себя наисчастливѣйшими людьми въ этотъ день. Каждый изъ насъ чувствовалъ, что нами сдѣлано доброе и хорошее дѣло, за которое мы уже получили искреннее, сердечное спасибо.

XII.

Многіе изъ подарковъ, полученныхъ нами при сборѣ по деревнѣ, состояли изъ концовъ тонкаго точива (домотканнаго полотна), предназначенныхъ жертвователями для приготовленія бѣлья. Отсылать этотъ необработанный матеріалъ въ складъ для отправки на пози-

ции или въ лазареты было нельзя, такъ какъ обременило бы лишней работой, о чемъ я и сказалъ дѣтямъ.

— Ѳ. Т., позвольте, мы сами сошьемъ,— начали просить дѣвочки.—Мы дома всегда портянки обметываемъ.

— А я и рубашки шила дома,—сказала Маша, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, ученица третьяго отдѣленія.—И мама хвалила, что у меня хорошо выходитъ.

— И я шила, и я...—послышались отовсюду заявленія дѣвочекъ.

Зная жизнь нашихъ деревенскихъ дѣвочекъ, которымъ уже съ девяти — десятилѣтняго возраста дается въ руки игла, чтобы онѣ исполнили несложную швейную работу, какъ-то: заштопать дыру на платьѣ или бѣльѣ, обшить края портянокъ, сшить мѣшокъ и т. п., я не удивился просьбамъ дѣвочекъ и разрѣшилъ имъ приняться за работу.

— Вотъ дѣвочки-то больше сдѣлаютъ для солдатиковъ, чѣмъ мы,—обиженнымъ голосомъ начали мальчики.—Позвольте, и мы что-нибудь будемъ дѣлать?

— Не знаю, ребятки, что бы вамъ дѣлать.— Придумайте-ка сами,—сказалъ я.

— Карандаши у насъ куплены солдатикамъ, такъ мы придемъ вечеромъ, когда и дѣвочки, и будемъ ихъ заострывать,—сказалъ Митя.

— Вотъ, вотъ,—закричали мальчики радостно.—Вотъ это наше дѣло... Ай да, Митя, придумалъ!

Меня осѣнила прекрасная мысль—научить дѣтей клеить конверты. Работа эта очень простая и не требуетъ для своего исполненія никакихъ спеціальныхъ инструментовъ. Изъ грошеваго листа бѣлой писчей бумаги можно склеить четыре конверта.

Радости дѣтей не было предѣловъ, когда я сообщилъ имъ это.

— Бумаги-то мы достанемъ, сколько хошь. Только научите насъ,—радостно говорили они.

— А насъ научите, Ѳ. Т.?—пристали ко мнѣ съ просьбами и дѣвочки.—Научите и насъ:!.. научите!.. А то что-же: сегодня мы сошьемъ, а завтра намъ нечего будетъ дѣлать:

— Нѣтъ, братъ, это мужичья будетъ работа,—сказали имъ мальчики. Не надо, Ѳ. Т., ихъ учить. Пусть лучше шьютъ кисеты. Онѣ на это мастера.

— Ну, да давайте шить кисеты, — ска-

зала Лена.—А то еще сдѣлаемъ хуже мальчиковъ, засмѣютъ.

Совѣта Лены послушались дѣвочки и успокоились.

Отпустивъ дѣтей домой послѣ учебныхъ занятш, я приготовилъ гумми-арабикъ и нѣсколько образцовъ для выкройки конвертовъ.

Рано вечеромъ собрались дѣти въ школу и дружно принялись за работу. Дѣвочки шили, а мальчики, сначала очинивъ карандаши, принялись учиться кроить и клеить конверты.

Эта несложная и простая работа была понята и усвоена дѣтьми, и они быстро наработали съ сотню довольно приличныхъ конвертовъ изъ бѣлой, синей и другихъ цвѣтовъ бумаги, откуда-то добытой ими.

Клейку конвертовъ мы производили не разъ, а дѣвочки, которыя оказались искусными швейками, принимали участіе въ шитьѣ бѣлья для воиновъ, матеріалъ для котораго былъ взятъ изъ комитета о раненыхъ нашего уѣзднаго города.

XIII.

Въ прошедшіе учебные годы дѣти моей школы почти съ самаго начала учебнаго года принимались обсуждать вопросъ объ устройствѣ рождественской елки, любимѣйшаго ихъ развлеченія, елки, которая ежегодно „пестротой своей нарядной“ радовала ихъ. Нынче же, вотъ уже наступила половина ноября, въ церкви уже начали пѣть „Христосъ раждается, славите“, чувствовалось вѣяніе праздника Рождества Христова,—а дѣти объ елкѣ ни словомъ, ни намекомъ не напоминали мнѣ. Казалось, что они забыли о ней.

Мнѣ очень хотѣлось узнать причину дѣтскаго забвенія объ елкѣ, и для этого я какъ-то напомнилъ дѣтямъ о ней.

— Что-же, дѣти, будемъ елку-то справлять нынче?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ!—раздалось сразу нѣсколько дѣтскихъ голосовъ.—Лучше эти деньги на подарки солдатикамъ.

Оказывается, что дѣти уже обсуждали недавно этотъ вопросъ между собою и съ домашними и рѣшили, что „елки, конечно, не надо“.

— Мой тятька говоритъ, что стыдно будетъ намъ веселиться, когда люди страдаютъ,—сказалъ Ваня, ученикъ старшаго отдѣленія.

— А мы еще сговариваемся такъ, что итти всѣмъ вмѣстѣ Христа славить, и что наславимъ денегъ, то маленько истратимъ на гостинцы, а на остальныя купимъ рождественскихъ подарковъ солдатикамъ, — сообщила Маша.

Все это сильно растрогало меня и подняло въ моемъ умѣ массу мыслей о дѣтяхъ и о войнѣ.

Вотъ, думалось мнѣ, когда въ средѣ нѣкоторой части нашихъ педагоговъ поднимаются вопросы, что нужно изолировать дѣтей и дѣтское вниманіе отъ всякихъ вліяній войны въ семьѣ и въ школѣ, у насъ въ деревнѣ никакъ не убережешь дѣтей отъ этихъ вліяніи, потому что дѣти—полноправные члены деревенской семьи. Они радуются радостями деревни и болѣютъ ея горестями и печалями. Если въ настоящее время деревня живетъ думами о войнѣ и впечатлѣніями ея, то эти же впечатлѣнія переживаются и дѣтьми.

Наши сельскія дѣти, воспитываясь среди живой природы, въ водоворотѣ жизни взрослыхъ, живутъ и чувствуютъ реальными, кон-

кретными образами. Среди нихъ поэтому совсѣмъ нѣтъ охотниковъ бѣжать на войну добровольцами, потому что, выражаясь словами дѣтей, „мы—не настоящіе солдаты“, „мы не годимся туда, только мѣшать будемъ“. Дѣти, сознавая свою непригодность быть защитниками отечества, стараются проявить свою дѣятельность на благо родины утѣшеніемъ и облегченіемъ участи ушедшихъ на поля брани родныхъ воиновъ, своими маленькими, подчасъ героическими жертвами (напр. отказъ отъ рождественской елки, отъ покупки гостинцевъ и проч.).

И вотъ поэтому-то я и не понимаю, зачѣмъ-же я, сельскій учитель, буду тратить силы, чтобы изолировать вниманіе дѣтей, закрывать насильно дѣтямъ глаза, затыкать имъ уши отъ того героическаго событія, которое составитъ славу нашего отечества, гордость потомства?

Придетъ время, когда мои ученики станутъ взрослыми, и будутъ съ гордостью говорить: „да, мы жили въ тѣ героическіе годы и, хотя немного, но участвовали своими маленькими дѣтскими усиліями въ этомъ великомъ, всемірномъ событіи“.

Настоящее славное время полно примѣра-

ми героизма, самопожертвованія, патріотическаго воодушевленія. Неужели на все это высокое, благородное, доброе нужно закрывать дѣтямъ глаза, когда они рвутся сами, безъ принужденіи, безъ намековъ со стороны выказать передъ матерью—родиной свою любовь и преданность зависящими отъ нихъ средствами?

Дѣти,—наше утѣшеніе, наша надежда, будущіе творцы жизни, будущіе граждане отечества,—пусть переживаютъ въ это славное время всѣ благородные, святые порывы самопожертвованія на благо родины вплоть до героизма включительно.

Пусть они воспитываютъ въ себѣ въ эти великіе дни духъ гражданственности и патріотизма.

Въ этомъ великая цѣль школы.

Рождество принесло для дѣтей много радостныхъ минутъ: каждый почтовый день приходили на имя учениковъ моей школы письма отъ солдатъ изъ дѣйствующей арміи.

Получивъ эти письма, дѣти группами врывались ко мнѣ въ квартиру и радостно показывали свои письма.

Съ величайшимъ интересомъ читались эти

письма и на крестьянской бесѣдѣ. Умилялись и ихъ содержаніемъ, и тѣмъ, что „наши бѣдные подарки“ дошли на позиціи, гдѣ особенно чувствовалась нужда въ нихъ, и обрадовали воиновъ.

Привожу нѣкоторыя болѣе интересныя и характерныя письма, полученныя учениками изъ дѣйствующей арміи.

Стиль этихъ писемъ оставляю неизмѣненнымъ, исправляю лишь орѳографическія ошибки.

Милая и дорогая моя Маня! имѣю честь выразить вамъ свою искреннюю благодарность за вашъ чистосердечный подарокъ, который я получилъ на первый день Рождества Христова. Очень мнѣ было пріятно чаю кушать, и васъ вспоминалъ и благодарилъ васъ за посланный вами подарокъ. Получилъ я сахару, табаку, бумагу и спички, за что очень благодарю васъ. Получилъ я на первый день Рождества, и денечекъ былъ у насъ очень веселый, такъ что погода была хорошая, вездѣ и повсюду полнѣйшая тишина и хорошо было намъ вспоминать нашу родную и доблестную Русь. Еще я васъ увѣдомляю: въ то же утро, который день я получилъ ваши подарки, мы пришли изъ-подъ огня, гдѣ мы просидѣли десять сутокъ въ полуверстѣ отъ проклятаго врага германца. Затѣмъ увѣдомляю: я —дѣйствительный солдатъ, холостой, выросши въ сиротствѣ, оставшись двѣнадцати лѣтъ отъ отца, Самарской губ., Бузулукскаго уѣзда, Неплюевской вол., села . . . . . Адресъ: Дѣйствующая армія, 4-й Туркестанскій стрѣлковый полкъ, 3-я рота Ивану Константиновичу Макарову.

1914 г. 28 декабря.

Сердечно благодарю за Вашъ подарокъ, Дуня. Каждый день помнпаю о васъ за ваше полотенце. Подарки получили на 2-й день Рождества. Солдаты отъ радости прискакивали. Подарковъ очень много присылаютъ въ армію. Дуня, опиши, на какія деньги послала гостинецъ. Вы пишете: были-ли мы въ бою? Были много разъ. Мы нѣмцевъ гнали очень далеко: за двѣсти верстъ въ Германію, но потомъ пришлось отступить. Теперь опять далеко въ Германіи. Раненъ не былъ. Крестъ получилъ. Адресъ: Дѣйствующая армія, 18 Стрѣлковый полкъ, 6 рота, Федоръ Афанакоенко.

Прощайте! Прошу отвѣта. Будьте здоровы.

19¹/₁15.

М. Г. Благодарю Васъ за то, что вы оказали помощь въ такое трудное время, такъ какъ всѣ наши солдаты скучаютъ болѣе всего о табакѣ. Когда я получилъ эту посылку, то въ такомъ восторгѣ я взмолился: должно быть, и въ центрѣ Россіи живутъ православные христіане, не забываютъ про насъ воиновъ. За что и сердечно васъ благодарю, нареченная сестрица Наташа! Поздравляю васъ съ праздникомъ, для чего подписываюсь собственноручно Георгъ Артопоянцъ.

Адресъ мнѣ: въ дѣйствующую армію, Перевязочный отрядъ 5-й стрѣлковой бригады. Пишите, что у васъ новаго.

Письмо пущено 27 декабря 1914 года.

Здравствуйте, моя дорогая добродѣтельница, кланяюсь Вамъ низкимъ поклономъ и благодарю Васъ за Вашу посылку, которую Вы посылали, я получилъ всего сполна. Ахъ, дорогая моя Государыня, какъ я получилъ Вашу посылку, открылъ я ее и нашелъ письмо, которое я быстро прочиталъ съ большимъ вниманіемъ и горько началъ плакать, что еще есть человѣкъ на свѣтѣ, который о мнѣ заботится и молится Богу за меня. Дорогая моя незнакомая добродѣтельница, Вы просите, чтобы Вамъ написать: былъ ли я въ бою? 12 разъ былъ подъ сильнымъ огнемъ, и меня Господь спасъ до настоящаго часа. Вы просили меня сообщить: гдѣ нахожусь? Въ Германіи далеко. Бьемъ нѣмцевъ безпощадно, но и намъ очень трудно. Вы просили, чтобы Вамъ написать, какой я губерніи. Я—Херсонской губ., Одесскаго уѣзда и самъ проживаю въ Одессѣ, Божакина улица, домъ № 26. Дома я оставилъ мою дорогую жену и троихъ малютокъ дѣтей, изъ-за которыхъ я много слезъ проливаю. Вы спрашиваете насчетъ плѣнныхъ. Собираемъ массу, но съ большимъ трудомъ. Погода у насъ: морозъ средніи, то снѣгъ, то дождь. Милая и дорогая ученица, кланяюсь Вамъ отъ души и Вашимъ роднымъ низкимъ поклономъ и благодарю за все. Затѣмъ до свиданья. Остаюсь живъ и здоровъ и того Вамъ желаю отъ Господа Бога.

Младшій унтеръ-офицеръ Іоганъ Эли. 255 Аккерманскій полкъ, 11 рота. Жду отвѣта.

1914 года 26 декабря.

Здравствуй, дорогая сестрица Катя! шлемъ мы вамъ благодарственное спасибо за вашъ гостинецъ, который вы посылали къ Рождеству. Ваша посылка пришла прямо на позицію. Получили ее въ окопахъ. Вашу посылку получилъ 4-й Туркестанскіи стрѣлковый полкъ, 3-я рота, 1-й взводъ, 4-е отдѣленіе. За эти гостинцы посылаемъ вамъ большое спасибо. Вы спрашиваете, что были-ли мы въ бою? Мы все время были на передней линіи и часто часто намъ приходится сражаться съ врагомъ. Богъ дастъ, побѣдимъ врага и обратно вернемся въ свой прежній городъ Ташкентъ дослуживать службу до конца. Съ почтеніемъ къ вамъ, Ѳедоръ Безпаловъ, Петръ Ушаковъ, Фролъ Латышевъ, Ѳедотъ Хлякинъ, Денисъ Жидкихъ, Михаилъ Лукьяновъ, Маркъ Орловъ, Георгій Бабинъ.

Письмо писано 24 декабря.

Милая Татьяна Александровна!

Поздравляю я тебя съ Новымъ Годомъ и желаю тебѣ много счастья и твоимъ родителямъ и благодарю тебя за твой кисетикъ, благодарю и твоихъ родителей, что они воспитали такую умную и добродушную дѣвочку. Оставайся и впредь такой и вспоминай ближнихъ своихъ. У меня тоже есть дѣти, но меньше тебя. И получивши твой подарокъ, обрадовался и думаю: есть тоже хорошіе люди и не забудутъ моихъ дѣтей. Мы находимся въ Германіи около Маузерскихъ озеръ, и твой кисетикъ попалъ отъ Малыхъ Озерецъ къ Маузерскимъ озерамъ и обрадовалъ солдата, который пьетъ чай и вспоминаетъ свою

благодѣтельницу и пьетъ за ея здоровье. Будь здорова и твопхъ родителей благодарю. Всѣмъ кланяйся отъ солдата Х. Байтингеръ.

1914 года 20-го декабря

Отъ солдата 4 батареи 28 артиллерійской бригады. Съ праздникомъ я васъ поздравляю, съ Рождествомъ Христовымъ и съ Новымъ Годомъ и желаю я вамъ отъ Господа Бога добраго здоровья и хорошаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Увѣдомляю я васъ, что подарокъ и письмо ваше получилъ, за которое отъ чистаго сердца благодарю и прошу Господа Бога, чтобы онъ послалъ вамъ на много лѣтъ счастья и здоровья, и благодарю я васъ, что вы о насъ не забываете. Вы пишете, чтобы я вамъ прописалъ: былъ ли я въ бою. Я въ бою былъ 3 раза подъ городомъ Г. А что нѣмцевъ убили, то я не видалъ, потому что былъ около орудій. А когда нѣмецъ отступилъ, тогда развѣдчики поѣхали на ихъ позиціи и говорили, что столько было битыхъ, что нельзя было проѣхать Ихъ тогда побили, когда они начали отъ насъ бѣжать. А мнѣ не пришлось повидать, что мы поѣхали другой дорогой. Затѣмъ до свиданья. Желаю всего хорошаго. Нѣмцамъ мы не поддадимся, потому что мы ихъ не боимся. Вы пишете, чтобы я вамъ написалъ, гдѣ находится моя родина. Могилевской губ., Гомельскаго уѣзда, Поповской вол., того и села бомбардиръ наводчикъ Іовъ Трофимовъ Гончаровъ.

27 декабря 1914 года.

Дорогой Вася! Посылку мы Вашу получили. Мнѣ достался твой табачекъ, бумага и трубочка и кисетъ ученицы вашей школы Маріи Ипатовой. Отъ всего сердца благодарю васъ, милые ученики, что вы не забываете насъ, заброшенныхъ въ Восточную Пруссію для защиты дорогой и милой всѣмъ намъ нашей родины. Ты просишь, чтобы написалъ я тебѣ: былъ ли я въ бояхъ и гдѣ моя родина. Я напишу тебѣ съ удовольствіемъ. Родина моя Черниговской губ., м. Почепъ. Призванъ я былъ на военную службу въ 1912 году и назначенъ въ 3-ю роту 17 стрѣлковаго полка въ гор. Сувалки. Съ объявленіемъ мобилизаціи 17 іюля с. г. мы были мобилизованы и 18 іюля выступили мы на нѣмецкую границу въ 18 верстахъ отъ гор. Сувалки. 22 іюля былъ первый бой на границѣ, и мы взяли 23 іюля мѣст. Мирушкинъ, 28—гор. Коваги и 2 августа гор. Гольдапъ. Мы шли безостановочно до гор. Бертштейна, который былъ взятъ нами 22 августа. Съ этихъ поръ намъ пришлось отступать, задерживая напоръ въ 5 разъ сильнѣйшаго врага. 27 августа намъ было приказано задержать противника, чтобы дать возможность отойти нашимъ частямъ. 27 и 28 августа послѣ безпрерывнаго боя мы задержали въ 20 разъ сильнѣйшаго врага. За эти 2 дня нѣмцы выпустили тысячи пудовъ свинца. Всѣ наши окопы были буквально изрыты тяжелыми снарядами. Но мы рѣшились до послѣдняго биться стрѣлка, чтобы дать возможность безопасно отойти нашимъ войскамъ и 29 съ боемъ мы отошли на нашу границу и 1 сентября мы задержали нѣмцевъ подъ Маріамполемъ. До 12 октября мы были

на отдыхѣ и съ 12 октября мы стали вторично наступать. 20 и 21 наша рота была подъ сильнымъ артеллерiйскимъ огнемъ. 23 октября наступали у Шукли, гдѣ я за доставку пулеметовъ и донесенiй подъ огнемъ противника награжденъ крестомъ 4 степ. Съ 23 по 2 ноября всѣ 11 дней шелъ безпрерывный бой. Одна роща нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки и наконецъ осталась за нами. Съ 18—22 ноября мы были въ бою подъ Бакаларжево. 26 ноября мы взяли м. Бокларусово. Съ тѣхъ поръ мы были въ резервѣ до 25 ноября. Съ 25 по 1 декабря мы смѣнили одинъ полкъ въ окопахъ у Мазурскихъ озеръ. Съ 1 по 14 мы отдыхали, а съ 15—24 мы тоже находились въ окопахъ и за эти дни сблизились съ нѣмцами до 100 шаговъ и даже ближе, такъ что ни днемъ, ни ночью не прекращался ружейный и пулеметный огонь. 24 мы были смѣнены и теперь отдыхаемъ. 26—получили ваши подарки и 27 декабря раздѣлили, и мнѣ достался твой подарокъ, за который еще разъ благодарю. Будьте всѣ здоровы. Желаю всѣмъ вамъ въ новомъ году всего хорошаго, главное здоровья и благополучiя и успѣха въ учевiи. Кланяйся всѣмъ товарищамъ.

Взводный командиръ ст.-ун.-офицеръ

Д. Д. Фесютинъ.

1915 г. 15 января.

М. Г.

Сердечное спасибо Вамъ за Вашу заботу о насъ. Не такъ дорогъ подарокъ, какъ дорого то, что о насъ не забываютъ на нашей дорогой родинѣ. Какъ пріятно и радостно получить что нибудь, хотя и малоцѣнное дома, но драгоцѣнное здѣсь. Я пробылъ въ Русско-Японскую войну одинъ годъ и четыре мѣсяца, но того не было тогда, какъ теперь. Не сыпались тогда подарки, какъ въ эту войну. Въ эту войну, можно сказать, солдатъ ни въ чемъ не нуждается: бѣлье, табакъ, чай, сахаръ—все у него есть. Еще разъ Васъ благодарю за Ваше доброе дѣло. Будьте здоровы! Остаюсь здравъ и невреднмъ телефонистъ Е—скаго полка Михаилъ Вѣтриченко.

Передайте спасибо Вашимъ дѣтямъ школьникамъ и всѣмъ, кто о насъ не забываетъ *).

Много еще подобныхъ же писемъ получили дѣти изъ дѣйствующей арміи. Полученіе каждаго письма составляло цѣлое событіе въ нашей школьной жизни. Его читали всѣмъ классомъ сообща, перечитывали въ одиночку, комментировали и дѣлали различ-

*) Настоящее письмо получено учителемъ школы.

ныя предположенія о жизни автора письма. За воиновъ, приславшихъ письма, дѣти возносили горячія молитвы въ школѣ на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, подавали въ церкви просфоры за ихъ здоровье. Съ нѣкоторыми изъ воиновъ дѣти завели оживленную переписку, сродняясь между собою и дѣлясь своими радостями и печалями.

XIV.

Десятилѣтніи мальчикъ Ваня, ученикъ второго отдѣленія школы, всегда веселый и жизнерадостный, первый „запѣвало“ нашихъ школьныхъ пѣсенъ, сегодня сидитъ въ классѣ среди своихъ товарищей печальный и съ заплаканными глазами. Три дня подъ-рядъ не посѣщалъ Ваня школы. Товарищи его мнѣ передавали, что причиной отсутствія Вани въ школѣ было присланное изъ дѣйствующей арміи письмо, что отецъ его убитъ на войнѣ.

— Плачутъ тамъ всѣ, убиваются, — передавали дѣти.—Ваня тоже плачетъ.

Уроки совсѣмъ не даются Ванѣ сегодня. Какъ онъ ни старается сосредоточить свои мысли на нихъ, но отецъ, положившій свою

жизнь на полѣ брани за отчизну, отвлекаетъ его вниманіе отъ работы въ классѣ.

Ваня иногда силится улыбнуться на мои ласки и подбадриванье, но, какъ видно, это стоитъ ему большого усилія и напряженія воли. Почти мгновенно озарившееся милой дѣтской улыбкой его лицо и глаза принимаютъ прежнее печальное выраженіе, и онъ стыдливо опускаетъ свою голову внизъ.

Старались товарищи разсѣять грусть Вани играми и шутками, но ничто не помогало. Ваня грустилъ. Казалось, онъ съ завистью смотрѣлъ на ихъ веселое настроеніе и душевное спокойствіе.

Послѣдній урокъ сегодняшняго учебнаго дня я посвятилъ бесѣдѣ о праздникѣ святой Пасхи. Коснулся смерти нашихъ ближнихъ на войнѣ за вѣру, царя и отечество и подробно остановился на всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ.

Ваня внимательно слушалъ мои объясненія, а когда я окончилъ свою бесѣду, онъ съ дрожью въ голосѣ тихо спросилъ меня:

— Такъ, значитъ, и папа воскреснетъ?.. и мы увидимся?..

— Воскреснетъ,—говорю, — и увидишься

съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ вотъ я вижу тебя, а ты меня.

Радостью засвѣтились глаза Вани, и онъ сразу повеселѣлъ: надежда воскресенія согнала съ лица Вани печаль и скорбь о погибшемъ отцѣ.

Когда дѣти уходили домой изъ школы, я услышалъ изъ прихожей веселый и звонкій смѣхъ Вани, первый разъ въ этотъ день.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.

ШКОЛА и ДѢТИ.

Сборники разсказовъ изъ школьной жизни.

Книжка 1-я. *Т. Мечевъ.* **На богомолье.** Стр. 80. Ц. 15 к.
Книжка 2-я. *Ѳ. Зеновъ.* **Во дни войны.** Стр. 79. Ц. 15 к.

Печатаются:

Священникъ *А. Державинъ.* **У хорошихъ людей.**
Его же. **На школьной нивѣ.**
І. Чувашева. **Слава Богу за все!**

Съ требованіями обращаться въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.

Петроградъ, Кабинетская, 13.

18659 2

ИЗДАНІЯ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ.

Книги для внѣкласснаго чтенія.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Аксаковъ С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. 25 к.
— Дѣтскіе годы Багрова внука. 40 к.
— Записки ружейн. охотника. 7 к.
— Аленькій цвѣточекъ. 5 к.
Андреевская В. Золотой крестикъ. (Разсказъ изъ эпохи Іоанна Грознаго). 20 к.
— Ефимова мельница. Разсказъ изъ эпохи 1812 г. 15 к.
— На зарѣ христіанства въ Кіевѣ. 15 к.
— Митя Куракинъ. Повѣсть изъ временъ царствованія Екатерины Великой. 15 к.
— Три вѣка назадъ. Разсказъ изъ времени царствованія Михаила Ѳеодоровича. 12 к.
— Перстъ Божій. Разсказъ изъ времени царствованія Алексѣя Михайловича. 20 к.
— Священное колечко. Разсказъ изъ текущей войны. 25 к.
Введенскій Д. Небесныя звѣздочки. 80 к.
— На родной нивѣ, подъ роднымъ солнышкомъ. Сборникъ разсказовъ. 90 к.
— То же. Отдѣльные выпуски 1—4 съ подзаголовками: Весна. 30 к.
Лѣто. 25 к.
Осень. 15 к.
Зима. 25 к.
Воронова Е. Къ тихой пристани. Сборникъ разсказовъ. 75 к.
Гоголь Н. В. Сборникъ избранныхъ отрывковъ изъ сочиненій для школъ и народа. Подъ редакціей П. Бѣлодѣда. 60 к.
Де-Носе Ф. Цецилія. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Перев. А. Мерказиной. 30 к.
Диккенсъ Ч. Приключенія Оливера Твиста. 40 к.
Жуковскій В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. 50 к.
Загоскинъ М. Юрій Милославск. 50 к.
— Брынскій лѣсъ. 35 к.
— Кузьма Петровичъ Мирошевъ. 50 к.
— Кузьма Рощинъ. 15 к.
— Рославлевъ или русскіе въ 1812 г. 50 к.
— Русскіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. 35 к.
Козловъ. Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. 7 к.
Лаптевъ И. Школьные очерки. Изъ пережитого. 50 к.
Лукашевичъ Кл. Завѣтное окно. 12 к.
— Кирюша юродивый и Бѣлогрудка. 1 к.
— Бѣднота. 15 к.
— Старый Памфилычъ. 15 к.
— Тихонъ Михайловичъ. 20 к
— Изъ жизни бѣдняковъ. 20 к.
Никитинъ И. С. Сочиненія. Школьное изданіе. Подъ редакціей М. Куплетскаго. 40 к.
Платонова А. Къ радости совершенной. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. 40 к.
— Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Очерки и разсказы изъ послѣдней всемірной войны. Съ портретами и рисунками Для школъ и народа. 40 к.
— Подъ небесной защитой. Очерки и статьи изъ послѣд. войны. 25 к.
Поповъ А. Сборникъ духовныхъ стихотвореній. 35 к.
Рачинскій С. А. Школьный походъ въ Нилову пустынь. 15 к.
Соловьевъ-Несмѣловъ Н. Христославы. 8 к.
— Савельичъ. 8 к
— Первый день Рождества. 10 к.
— Абросимычъ 10 к
— Панкратъ. 10 к.
— Настя. 10 к
— Христа ради. 10 к.
— Въ степи. 10 к
— Скрипачъ. 12 к
— Подъ снѣгомъ и метелицей. 12 к
Уайзменъ. Фабіола или катакомбы 60 к., въ перепл. 75 к.
Фонвизинъ Д. И. Недоросль. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. 12 к.

Съ требованіями обращаться въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.
Петроградъ, Кабинетская, 13.

4-68